РОМАН

ЗАПИСКИ ПИГМАЛИОНА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧЕВ

Александр Ильичев

Записки Пигмалиона

«Автор»
2026

Ильичев А.

Записки Пигмалиона / А. Ильичев — «Автор», 2026

В моей книге главный герой сталкивается с иррациональностью, влекомый надеждами вернуть то единственное, что заставляет его существовать.
Мы часто произносим высокопарные слова, говоря, что без него или ее не можем жить, а что если так и есть. Дорогой читатель, прости меня, что пишу загадками, но мне было бы приятно если бы ты сам попытался разобраться во всем. Заранее благодарен.

© Ильичев А., 2026
© Автор, 2026

Александр Ильичев
Записки Пигмалиона

Записки Пигмаллиона

ГЛАВА 1. БАЛКОН НАД БЕЗДНОЙ

Наши желания никогда не ослабевают, наше желание жизни не проходит, наше чувство уверенности в завтрашнем дне дает нам гарантию на лучшую жизнь — надпись на заголовке одной из газет, которую раздает бесплатно мальчик с синими волосами около кофейни. Такое чувство, что он сам не верит в эти заголовки. Он нервный, шныряет взглядами из стороны в сторону и всегда ищет подходящего человека, передать частичку лжи, написанную на бумаге. На оживленной улице по пути в кофейню он встретил меня, молодого мужчину лет двадцати пяти одетого в модную парку. Я принял газету из его рук и тотчас же свернул и засунул подмышку, посмотрел в его глаза, а затем на часы. Встреча была назначена через десять минут. В кофейне было тихо и очень приятно пахло, официантки с белыми передниками разносили кофе и суетились думая, как я полагаю, либо о предстоящих экзаменах, либо о чаевых. Хорошо, что учеба моя закончилась, не любил учиться. Будто вся эта катавасия с коллоквиумами и экзаменами вгоняла меня в депрессию, ну серьезно — это же система, и она кому-то нужна, кому-то принадлежит и кому-то служит.

Разбирался я достаточно во многом, но сидеть за партой — нет. Безумство чистой воды, а прилежность лишь для девочек. Как раз такая девочка ждала меня в кофейне. Надя всегда ждала меня и отчего-то приходила пораньше. На ней была белая водолазка и черная юбка, перед тем как сесть за стол она тщательно раскладывала предметы на столике, будто подготавливая рабочее место. Футляр от ее модных очков, сумка Фурла, неброские кольца на тонких пальцах, маленький кулон на шее, подарок отца, он у нее в прошлом был геологом. Она чудо: такие большие карие глаза с оттенками грусти, хорошие манеры, и много-много проверенных часов за учебниками по психиатрии. Когда я подходил к ней она всегда улыбалась как-то особенно и поправляла челку. Обязательный ритуал — наш еле касаемый щекой поцелуй и беседа о всякой всячине без стеснения, о чем нам только может прийти в голову. Мы стали открываться друг другу, совсем больше того, чем предполагала дружба между мужчиной и женщиной, но не переходя черту простыней ее или моей квартиры. Надя могла при мне достать пустой контейнер с едой и похихикать совершенно не стесняясь меня, однажды, когда мы напились, я стал свидетелем гораздо более интимного женского процесса, но все же ничего большего. После беседы с ней становилось легко и ритм большого города не так сильно бил по мне, хоть и глубоко в душе мечты о тихом домике возле воды иногда стучали отголосками в мое сердце. Но как сбежать отсюда? Совершенно невозможно — он затянул тебя. Для меня, как я полагал, такой город был еще одной причиной, чтобы я почувствовал себя одиноким.

Частичкой в этом хитросплетении улиц, ночных баров и горящих окошек в огромных человейниках. Придя домой, повесив пальто на вешалку, мне не хотелось сразу переодеваться в домашнее, я подходил к окну и подолгу смотрел на светящие клеточки на против. В каждой из них жизнь, в каждой из них история, моя же прозаична — готовый ужин в контейнере из ближайшей забегаловки, банка газировки, конфеты к чаю и телевизор. Не поворачивая голову, не меняя позы, обычное положение раба системы, но жаловаться грех. Перед сном — мастурбация, обычная, пресная, как постный сахар для заядлого сладкоежки. Я просто делал это — мне это нужно. Пару раз получалось делать это на фото Нади в купальнике, но затем всегда останавливал себя, будто нельзя испачкать что-то настолько теплое и родное. Надежда была мне как сестра, а инцест — это плохо, поэтому моими ночными жертвами всегда становились

другие. Мы с ней очень близки, но хоть убейте, не помню, как мы с ней познакомились и когда, будто она была есть и будет. Ее присутствие ощущалось всегда. Есть люди, которые являются по своей сути нашими душевными заполнителями, мы порой даже не можем понять от чего и почему они нам так дороги. Они будто встроены в наше духовное ДНК, мы ощущаем их как нечто цельное с нами.

Открываю ноутбук, там почта. Кликаю — сообщение от Нади, она просила забрать ее завтра и отвезти в центр психиатрии, написала, что с ней будет пациент.

— Конечно, Кнопочка)

— Спасибо, Угрюм)

Угрюмчик — так ласково она меня называла, я не обижался. Мне было трудно судить себя, но все же моему прозвищу можно было доверять. Она говорила, что моя улыбка все же имеет ограничение, как будто кто-то ее все время останавливает, не дает раскрыться. Смеяться в запой я не умел, до определенного дня я вообще не имел такой привычки.

Солнце, жаркое солнце небольшого городка, асфальт пылал от августовского солнца, небольшая компания детей стоит напротив школы и делится друг с другом своими фантазиями и мечтами. Среди них и она. Глоток воздуха, еще глоток более приторный и жалящая боль в груди, выглаженное недорогое школьное платье для девочек, еще удар — ее очаровательное детское личико, она поправляет светлые волосы, собранные на голове в белые бантики. Дыхание стало прерывистым — белые гольфы на пыльном грязном дворе перед школой. Достаточно секунды и вся жизнь уйдет из-под ног. То, что у тебя никогда не отнять из памяти, никогда. А раз нельзя забыть, значит это вечно, а что вечно не умирает. Как может мальчик, первоклассник, все желание которого прийти скорее домой и поиграть в нового робота — робокопа, которого ему подарили родители, столкнуться с вечностью. Моя вечность — она. Меня смутило, меня разорвало, меня убило в тот день.

Умыв глаза от воспоминаний перед сном, я посмотрел в зеркало своей ванны. Черные круги — постоянный атрибут моей жизни, упавшая капля зубной пасты на халат первое недоразумение моего дня. Нужно торопиться, я всегда все откладываю на последний момент.

Я заехал за ней в 12:00. Надя стояла в длинных сапогах, клетчатой юбке и капронках с узором из цветочков. На мне же джинсы и старые кроссовки, в которых я когда-то бегал. Ужас, а если бы мы пошли в приличное место, она была бы на высоте, мне же было бы невероятно стыдно. Она держала за руку мальчика, который смотрел все время вниз. Я забрал их и Надежда села на переднее сиденье, при этом всю дорогу не сводила с мальчика глаз. В моих фантазиях, которые стреляют в моей голове будто молния, сразу открылась картина нашей семейной жизни. Я, она и наш ребенок. Я, везущий семью в зоопарк или торговый центр, посещение вечером бабушек и дедушек, затем Надя укладывает нашего малыша в чистой и большой квартире и приходит ко мне в спальню дабы заняться простой человеческой любовью мужа и жены.

— Красный! — крикнула Надя.

— Прости.

— Ты что-то сегодня нервный, плохо спал? — писклявым голоском спросила меня она.

— Нет, что-то задумался.

— У меня есть таблетка.

— Не нужно.

Мы доехали до места и обещали созвонится вечером. Она буквально вцепилась за руку мальчика и не отпускала его.

Припарковавшись во дворах мне стало нужно ответить на сообщения в телефоне. А ведь все могло быть так, как я представил и, в общем и целом, картина получается вполне достой-

ная. Она женщина, я взрослый мужчина, хоть и с инфантильным представлением о мире, но кажется ее это устраивает. Никогда не считал себя мужественным, но она не попрекала меня этим никогда. На каждое «но», у меня находился ответик. На каждое «вдруг» у меня утвердительное «да». Надя из небогатой семьи, работоспособная как пчелка, ищущая во всем эстетику и полезность. Я, напротив, ленивый и декаданствующий социопат, мы разные, но как частички пазлов подходим друг другу.

— Ты хочешь детей? — спросил я ее.

В ответ смех в трубку:

— Что на тебя нашло? Готов предложить свои услуги?

— Я просто спросил!

— Ахах, ну не знаю, я очень много работаю.

— Но каждая же женщина хочет ребенка!

— Возможно, но не все так просто.

Наши вечерние разговоры я просто обожаю, невесомость, парящая над облаками, когда она на линии. Всегда переживал, кстати, а интересно ли ей со мной болтать, потом понял, что интересно, ведь много часов пролетало в несколько минут. Красивый учтивый, местами игривый разговор без пошлых подкатов — идеально. Мы были во френдзоне у друг друга и ни капли не переживали за это. Так далеко и так близко.

Обычно я всегда звонил ей со своими стрессами и психозами, рассказывал подробно о своих неудачах и успехах, мне становилось тепло, когда я слышал от нее, что-то стоящее. Но сегодня все было по-другому. Женские слезы расплавляют мужские мозги лучше горелки. Она плакала мне в трубку, и я не мог ее остановить.

За свою практику детского психиатра Надя смогла подавлять в себе следы и сострадания, она бывала в неблагополучных семьях, видела боль и страдание. Много такого чего я бы наверно не смог пропустить через себя. В такие моменты ее рассказов, всегда чувствовал себя слабым жеманным. Она рассказывала, как видела младенца прилипшего в кучке кала и получившего страшные ожоги спины, она вытаскивала подростков из канализационных труб и видела детишек в семьях, в которых отец ножом убивал мать. Казалось, Надежда крепка как сталь, но не сегодня. Звук тонкого стекла, бьющегося о ее зубы, слова с сильным прерыванием и бесконечная соленая вода из глаз.

— Понимаешь, понимаешь, он молился...

— Кто, Наденька? Что произошло?

— Он молился при мне.

Через полчаса я уже был у нее. К тому времени она просто сидела, не двигаясь и смотря в одну точку.

— Он молился.

Ее история со слов, даже тягаться не сможет с ее спектром эмоций:

— Мы ехали в машине, вдвоем с мальчиком. Я настроила магнитолу и включила мультики. Он молчал, и в какой-то момент заплакал и начал причитать. Сначала трудно было разобрать, но потом...

— Что он говорил?

— «Эх, что же я тебе сделал. Маленький человек в этой жизни, а меня уже предали. Эх, как же хочется избавиться от этой боли, неужели я виноват по праву рождения. Даже слов не знаю многих, а уже так больно. Боженька, хоть на миг избавь меня от боли, как же там мама? Вот бы меня не разлучали с ней. Ручки у нее трясутся с момента моего рождения, когда нас бросил папа. Эх, пожалей ее, ну, уж лучше бы я не рождался раз так. Мамочка, ну хоть разок, если бы заслужить прощения у тебя...»

Я впал в ступор, казалось, это сам мальчик, а не она говорила со мной.

— Я так больше не могу, переведусь в департамент, либо сопьюсь, либо выйду в окно.

— Надя, ну что ты говоришь, перестань, я запрещаю.

— Мне больно каждый день, понимаешь?

— Увольняться, увольняйся, вот только не бросай меня.

Ее распущенная, мятая прядь волос спала на глаза, губы смыкались, пытаясь насытиться остатками слюны во рту. Мы замерли в ожидании, ключи в моей руке промокли от пота. Она всхлипнула носом еще пару раз и икнула. Уходя в спальню, сбросила рубашку на пол и стянула с себя штаны, оставшись в белых трусах. Я переночевал в ту ночь у нее.

Практически находясь с женщиной своей мечты, так близко и так далеко, я опять предавался ностальгии в эту ночь.

В классе было довольно шумно, ее шейка, совершенно белая, вытягивалась и напрягалась перед моим лицом. Хоть бы повернулась хоть бы раз, увидеть ее лицо. Мы с моим другом много шумели и хулиганили, толкали друг друга, смеялись, а она же как прилежная ученица совершенно не хотела отвлекаться на таких как мы. Она все-таки повернулась

— Вы когда уже заткнетесь?

Никогда в жизни не забуду ее лица, никогда. Глазки бегают из стороны в сторону, но при этом смотрят тебе в самое сердце. Ее рука на моей парте. Тонкое колечко из серебра, украшающее средний палец правой руки. С каждым глотком воздуха ее школьный пиджак еле-еле поднимался, совсем немного обнажая белые чашечки лифчика первого размера. Мы смотрели друг на друга, она на меня, а я в бездну. Представить можно все, что угодно, была бы фантазия. В ней я нашел все: книжные полки учебников, солоноватый вкус первого поцелуя, первую липкую простынь на моей кровати, а главное вечность.

Прекрасно помню интервью Карла Ясперса, когда он рассказывал про свое детство, он говорил, что столкнулся с вечностью, когда отец впервые привез его на море. Тогда, увидев волны, маленький гений в возрасте трех лет впервые осознал вечное. Моя вечность состоялась на уроке биологии в седьмом классе в ее глазах. Что-то распороло меня, заставило нервничать и умирать, умирать каждую секунду жизни, смотря на нее. Время теперь не имело значения, время должно преклониться перед вечностью, значит ли это что оно конечно?

Проснулась она первая, и когда я открыл глаза Надя уже приготовила мне завтрак и была как огурчик.

— Как спалось?

— Лучше не бывает.

Она не особо любила готовить завтраки и накрывать на стол, как говорится, по полной. Но все же, что-то женское срабатывало в ней в присутствии мужчины, и она хорошо постаралась: бекон, яичница, тосты, вкуснейший кофе... Она любила тапочки, я всегда босиком. Стоя ко мне спиной в своей пижаме, она движением руки пыталась запустить потоки воздуха в локоны своих красивых волос.

— Вкусно пахнет.

— Ага, ага.

Я отвез ее до работы. По пути в машине мы как будто оба вспомнили вчерашний рассказ и не проронили ни слова.

— Я...

— Не надо, хорошо? — ответила она. — Я подумаю.

Надя выпорхнула из машины и, смешавшись с другими, исчезала в потоке людей.

ГЛАВА 2. ТОТЕМ И ТАБУ.

Всегда хочется сохранить что-то на память: магнитик, привезенный с моря или фотографию с любимым человеком, сделанную на фоне безликого места, понятного лишь вам. Главное — знать грань, хотя ее нет. Точнее, в ком она есть, там и останется, а в ком нет — ее и не будет. Моей грани никогда не существовало.

Я медленно поднимаюсь по эскалатору небольшого торгового центра, сердце уже готово выпрыгнуть из груди. На скамеечке сидит она, положив ногу на ногу. Еще секунда и она заметит меня, страшно. А вдруг она думает не обо мне. Вдруг я песчинка, которую смоет в море приливной волной. Сейчас я стою на кухне уперевшись о столешницу и не хочу этот день. Ответ простой, потому что это не тот день, в котором ее ножка была положена на другую. Это совсем не тот день, в котором песчинка оставалась блестеть на солнце надежды. Клянусь, ничего кроме нее не существовало в тот день. Она улыбается, а я несу ей цветы. Как банально, но ничего лучше не придумал. Господи, помоги мне. Мы разговариваем, я дико туплю, не могу и слова внятно произнести, а она все понимает, не глупая девочка. Ей понадобился бальзам для губ, на первом этаже как раз такой и продавали. В последствии я много раз приходил на то самое место и воспламенял в своем сознании те самые минуты. Бальзам был извлечен из картонной коробочки и положен в ее сумочку, коробка досталась мне, чтобы я ее выкинул.

Через годы я смотрел на эту коробочку, изучал снова и снова ее состав, находил такую же в интернете и покупал, сразу же нанося себе бальзам на губы. Будто бы пытаясь ощутить то, что ощущала она. Время прошло, а коробочка жива, я обернул ее в полиэтилен дабы не испортить. Что-то основательное в тот день я положил в карман, это было можно сказать наше. Так рождаются тотемы. Должно быть много людей грезят такими вещами, кажется, что такие штучки помогают не скатиться вниз, а на самом деле они-то нас и убивают. Страшно представить, чтобы стало если бы у меня в руках оказался предмет ее одежды, наверное, сумасшествие близкое к сумасшествию Сатурна, пожирающего своего сына.

Снова день и снова ночь. Незаконченные истории убивают сильнее пуль или осколков, сентиментально, но так и есть. Одним суждено погибать на поле брани, держа в руках оружие, другим — с сжатой вещицей в руках или прикованной к лицу. В такие моменты ощущаешь себя живым, неподдельным. Если бы мне открылись створки ее шкафчиков, ее полочек, ах, не суждено. Открыв глаза, я снова на своей кухне, безликой человек с кучей комплексов.

Надя уехала в рабочую поездку в другой город, оставив мне только фотографии с прошлых выходных, две баночки липового меда и недопитую бутылку вина. Летний зной города не внушал мне надежду, развивающиеся платьица девушек, крики и смех доносящейся из подъездов и освежающая прохлада летнего вечера. Стоило больших усилий заставить себя прогуляться, на дорогах наперекор мелькали огоньки фар, заблудшие уставшие после работы тела, которым не посчастливилось приобрести себе железного друга, лампы ночного города. В ночи мы боимся других, а себя перестаем.

Днем же все наоборот. В очередной раз наливаю себе чаю, люблю с лимоном. Надя — кофе с молоком. Молоко скисло, всегда хранил его для нее. Задумался над тем, что недостаточно по ней скучаю, не так, как она заслуживает, переживаю за то, что она думает обо мне больше, чем я о ней. К обеду в соцсетях всегда пара фотографий от нее — такие живые простые, но порой с выдумкой. Пару раз в жизни присылала прям из примерочной, даже в белье. Всегда с восхищением, но никогда с пошлостью, отвечал ей. Однажды, она у меня забыла свои трусики, когда принимала душ. Мне не понравились, ну не для нее, скорее что-то дешевое из масс-маркета, хотя сохранил в особой полочке. Первую неделю думал, а вспомнит ли она о них, а вдруг спросит и подколет, мол, я фетишист. Про это я и сам знаю, но вот услышать от нее как-то презрительно, хоть она и почти родная душа. Хочу увидеться с ней сейчас, но непе-

реносимо обожаю своё одиночество. Моя путешественница понимает это и отступает, будто правитель, пошедший со своей армией и столкнувшийся с более сильным соперником.

Через две недели она вернулась, мне показалось, что уставшая, но, по мнению некоторых людей, человек обязательно должен уставать, в моем же понимании отдыхать — значит быть в гармонии с собой. Нежиться на диване, не выходить понапрасну из квартиры, подолгу задумываться о бесполезных вещах...

Она привезла мне носочки, не весть какой подарок, но все же приятно. В вечер ее приезда мы положили телефон на стол и включили медленную музыку, я обнял ее, и мы стали танцевать, звук был не самый лучший, но нам было лень подключать колонку. В танце мы улыбались друг другу, и, поскольку, я не лучший танцор мы задели на полке маленькую шкатулку и все содержимое посыпалось вниз. Шкатулка не разбилась, из нее высыпалось множество мелких предметов, но самую большую боль мне доставил один значок.

— Аааай, блин! — закричал я от боли.

— Что? Наступил?

— По ходу что то металлическое? Заколка?

Я поднял маленький металлический предмет. Это был значок с гравировкой:

ПИСАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «ФЕНИКС»

— Ооо, это твое?

— Нет, я что похожа на писателя?

— Ну, возможно...

— Да, брось, еще в институте одна девочка забыла его у меня, а выкинуть жалко.

Я крепче прижал ее к своему телу, она же в ответ податливо приблизилась ко мне. Значок покатился на диван и исчез в прорези подушек. Мы же на диван не покатились и разошлись из танца, словно мистер Дарси и Элизабет Беннет. Пару бокалов хорошего вина, вкусный ужин, приготовленный ее руками. Затем такси и я дома. Отъезжая от ее дома, не посмотрел на окно, сейчас таких традиций уже нет. Дома стали высокие и совсем не помашешь рукой человеку, с которым расстаешься возможно всего на пару дней, но, черт, это хорошие традиции. Моя бабушка всегда махала мне рукой в окошко, ей было крайне важно посмотреть, как я или мои близкие куда-то идут, я же махал ей в ответ. Бывали случаи, когда меня это слегка бесило, будто бы я под контролем, маленький был, недоразвитый. Сейчас вспомнилось, ведь мы так не делаем, а как бы хотелось. Прямо сейчас, в эту же секунду, позвонить ей из такси, выбежать и помахать рукой как бабушке, достать старый аппарат для просмотра диафильмов и под сладкий чай с лимоном посмотреть с Надеждой некоторые старые пленки. В последний момент я отложил телефон в сторону, а зря. Если на свете есть силы, которых мы не знаем, скорее всего они темные, страшные. В тот день они как раз на меня повлияли — человек, который не сделал что-то важное теряет намного больше, чем время — он теряет себя.

Ранним утром я проснулся, совершенно спокойно просто приоткрыл глаза и встал с постели, посмотрел на свои руки, выпил воды, подошел к окну. Было тихо, ветерок из приоткрытой форточки слегка колыхал занавеску. Тошное, слепое, бессмысленное. Сходил в туалет и снова лег в кровать.

В то самое утро я узнал, что Надя погибла в автокатастрофе. На месте аварии я нашел коробку с испеченными кексами для детишек, пару книг, ее блокнот. Жгучая пронзительна боль ударила в виски, меня тошнило всю неделю, будто бы из меня вырвали что-то. Первую неделю я вообще не плакал, затем навзрыд. На похороны приехала лишь ее двоюродная сестра — единственный родственник. Надя редко рассказывала о ней, думаю, это действительно было не обязательно, учитывая, что на ее лице я не заметил ни капли сочувствия. Сейчас я думаю, будь Надя жива — немедленно бы женился на ней. Хотя бы ради того, чтобы в час похорон

не чувствовать себя лишним человеком, просто другом, хоть я был ближе всех для нее, а она для меня.

На следующий день я распечатал все фотографии с ней и заставил все полки квартиры, не выходил два дня из комнаты, зарос как Хагрид из Гарри Поттера. Порой, открываю глаза и вижу день похорон, она так красива в гробу, так и не скажешь, что умерла. Конечно, все похороны я оплатил сам и пожелал, чтобы никто об этом не знал. Раз в неделю я приезжал к ней и привозил цветы, именно пионы, которые она очень любила, подолгу разговаривая с ней как прежде делясь своими успехами и неудачами, прикасаясь головой к холодной гранитной плите с ее портретом. Признаюсь честно, часто повторял себе, что легко бы поменялся с ней судьбой, зачем мне моя жизнь, для чего я создан? Женщина мне не нужна, я разбегаюсь от них как от огня все вспоминая, как идиот о той девочке из школы, которую я любил, дом не построил — легче снимать, да и пользы людям, как она, я никогда не принесу. А она могла бы родить ребеночка нам, какой же хорошей мамой она бы была. В меру строгой и заботливой, мы бы все ходили по струнке.

Примерно месяц я пил, ходил за коньяком в один и тот же магазин, напивался и ложился спать, без коньяка все равно было не заснуть, а с ним, возможно, боль была еще сильнее, но привыкать к боли не хотелось. Пусть она добьет меня, переломит как тростинку и высушит, словно мумию. У меня стали появляться девушки на одну ночь, некоторым я платил некоторые спали со мной просто так. Я ничего не испытывал с ними, просто нужно было выплеснуть из себя что-то.

Все одно и то же. После каждой такой девушки я тщательно убирал любое ее присутствие из своей квартиры. Одна даже поинтересовалась, а что за девушка на фотографиях, честно, хотелось сразу же прогнать ее за этот вопрос. Наверное, временно нельзя трогать вечное. Но мимолетная бабочка ни в чем не виновата, это моя боль и только мне ее переживать. Пепельные волосы, стройная, любящая развратные фотографии так открыто смотрела в мои глаза: будто пыталась отыскать ответ: «а будет ли он со мной?»

Меня это бесило. Ненавижу навязчивых женщин, такие отдаются лишь за внимание и призрачное желание выйти замуж. Хуже было потом, действительно через месяца три я вошел в нормальный ритм, а боль стала угасать. Порой, с редкой бутылкой виски на столе, я стал бить себя ладонью по голове за то, что перестал чувствовать боль так сильно. По моему мнению этот кошмар не только не должен угасать, но должен усиливаться.

Хочется наказать себя не за то, что ты виноват, а за то, что можно было быть ближе. Как бы мы не старались, если у вещи есть конец она обязательно прервется, что не скажешь о моей ностальгии по той девчонке. Образ моей любви, будто на какое-то время разрешил мне забыть о ней, но лишь на время. Та девушка внутри меня словно разрешила мне попереживать о Наде, но со временем все же пришла обратно, наверстать упущенное так сказать. Ослабить хватку на время и словно вцепиться в горло. Я тщательно хранил любые вещи, связанные с Надей, для этого мне понадобилось последний раз попасть в ее квартиру. Благо, ее сестре было все равно, по большей части ей нужна была лишь недвижимость.

Странное волнение я испытал, когда подошел к дверям ее квартиры, когда засунул ключ в замочную скважину. В голове сразу всплыли картины как она радостная, держа сумку в подмышке, прокручивала этот ключ в замке. На кольце болтался брелок, который я привез ей из отпуска. Войдя в квартиру, я сразу же снял обувь, пролетая, словно птица, по ее комнатам, я вдыхал аромат каждого помещения. Надя очень любила чистоту, поэтому запах, который я почувствовал, напоминал мне смесь трех ароматов: ароматических палочек, стоящих на комоде, стирального порошка и ее духов на зеркале. Запахи были холодные, уже немного угасающие, постепенно теряющие свою терпкость. Я провел руками по стенам ее квартиры, дотронулся пальцами до выключателей, дотянулся до каждой ее тумбочки. С каждым прикосновением, будто отдавая дань ее памяти и доставляя себе большой трепет прикосновения к

вещам. Мне очень нравилось, что у меня есть целая ночь в ее квартире, и эту ночь у меня никто не заберет.

В Надиных шкафах было не так много одежды, как я думал, хотя в моем воображении она всегда была разной и интересной, возможно, просто со временем мозг додумывает и сглаживает реальность, которая не всегда притязательна. На самой нижней полке лежало стопочками выглаженное белье. Я не прикоснулся к нему, как и не прикоснулся тогда, когда Надя была жива. Так много и так красиво. Никогда не видел ее с мужчиной близко, хотя вот кому, по сути, должна была достаться эта красота на обозрение.

Я закрыл ящик и, закончив свою экскурсию, я сел на ее диван и уставился в стену недвижимо и бессознательно. Так я смотрел довольно долго, пока не вспомнил про одну маленькую деталь — значок группы «Феникс». Опустившись на колени, я пошарил рукой под диваном. Подняв значок, я присмотрелся на свет и увидел знакомые очертания. Она никогда не говорила об этом, поразительно. Я знал о ней практически все, какой еще может быть писательский клуб, неужели она что-то писала. Совершенно не хотелось смотреть в ее письменный стол или лазить в бумагах, хотя было довольно любопытно, но я не стал. Выйдя из ее квартиры, я зашел в бургерную напротив дома и съел то, что обычно любила заказывать она, а после купил ее любимых цветов и поставил их напротив портрета в своей квартире.

Громкая музыка, дрожащие стекла спортзала, я в недавно купленных мамой джинсах и майке, ощущаю себя в какой-то мере круто, но все равно сейчас бы ни за что не захотел смотреть на себя. В школе дискотека и мне двенадцать лет. Я не собирался идти туда, но мой друг очень настойчиво потащил меня. Мы сидели у меня дома и играли в компьютер, обсуждали игры фильмы и даже немного философствовали. Одна причина, как и все остальные причины, как и вообще все — это она. Она была там, на школьной дискотеке. Мы зашли в школу и по привычке пошли в свой класс на втором этаже, располагавшийся напротив женского туалета. Мой класс, в основном девочки, хранили там свои вещи, привезенные специально для дискотеки. Войдя в зал, мы встали с ребятами в круг и немного потанцевали.

Где же больше любви в свободе или закрепощение? Был ли я свободен тогда?

Вновь и вновь проходя по пустому спортзалу школы в своих снах, здесь все осталось нетронутым: вещи лежат в классе на своих местах, испарина на бетонных стенах и стеклах спортзала, скрипучий пол зала. Бежать без оглядки отсюда, ампутировать из себя ностальгию, сжечь воспоминания о ней. Я проснулся к обеду и пошел гулять по городу по центральной улице, шнырял из стороны в сторону, чего-то не хватало. Как хотелось расцеловать руки любому человеку, который бы подошел и сказал, что я ничего не понимаю. Осознание ошибки — уже есть путь к понятию истины.

Меня пригласили на поминки на следующей неделе. Ее семья устроила скромное мероприятие, и они позвали меня. Черный костюм и черная рубашка, молчание за столом, ее отец сжимает столовый прибор, когда речь заходит о дне ее гибели. Ее мать нежно гладит отца рукой и хватка столовой вилки ослабевает. Он смотрит в никуда и большими глотками выпивает налитую в бокал водку. Так тихо вокруг, что казалось даже слышно, как дышат люди вокруг, мне уступили место рядом с отцом и он изредка поглядывал на меня опустошенным взглядом. В такие трагические посиделки, как равно и в праздники, большинство интересных разговоров проходило на кухне. Сколько судеб, сколько признаний, откровенных разговоров совершалось на кухнях. Мы с ее отцом не стали исключением. На холодном полу небольшой кухоньки он открыл форточку и, держа в руке пепельницу, закурил свои папиросы. Истинный мужик с щетиной, работающий с утра до вечера не особо склонный к сентиментальности, пускал слезы чуть ли не в пепельницу утирая при этом свой нос. Я стоял возле плиты и наблюдал за ним, не проронив ни слова.

— Она говорила о тебе очень много, поэтому и позвали.

В квартире его отца отчетливо прослеживался советский быт, старая стенка из далеких восьмидесятых, красный ковер на стене с непонятным узором, старая мебель, будто люди в один прекрасный момент перестают задумываться о ремонте и пускают все на самотек. Они уже не хотят ничего менять вокруг себя, что-то внутри останавливается, приходит осознание старой тишины. Удивлять больше никого не хочется, глаза радуются и старому, хочется отдать побольше детям и внукам, время останавливается в интерьерах. Старые фотографии на полке под тяжелым пластом стекла, камни из геологической экспедиции, только отголоски прошлого. Теперь это никому уже и не нужно. Кому расскажешь не поверят, а кто поверит совсем не удивиться и только сделает вид, что ему хоть каплю интересно.

Бывают моменты, когда очень хочется что-то сказать более того, что ты должен что-то сказать, но совершенно не можешь, а стоишь как идиот слегка приоткрыв рот.

— Спасибо, что пришел к нам.

Ее семья любезно предложила мне остаться, но я отказался. Уже дома в постели мне закрылся в голову один вопрос: почему ее отец не спросил в каких отношениях я был с ней? Да и, в принципе, откуда они узнали обо мне? Тем более много... Хотелось остаться, даже очень, но наша прилизанная тактичность окутала нас. Страх показаться навязчивым — горе мне. Если бы я остался, возможно, переночевал бы в ее детской, прекрасно понимая, что больше в этот дом меня не позовут запомнил бы каждый момент.

После смерти близкого человека всегда, наверно, так, нам кажется, что мы что-то забыли, не доделали, но в отношении с Надей это чувство было особенно острым. Она умерла молодой, незаслуженно молодой, я бы с радостью отдал ей свою жизнь, но не могу.

Через пару дней ее отец мне позвонил, странным было даже то, что у него был мой номер.

— Знаешь, парень, ты это… Она хотела чтобы ты нашел ее.

— Кого? — машинально ответил я.

— Ту самую, про которую говорил ей.

ЗА МНОГО ЛЕТ ДО ЭТОГО

Надежда в прекрасном расположении, она пришла ко мне домой ходила по залу и напевала песенку. Отпив из бокала вино, она бухнулась на кровать рядом со мной.

почему ты никогда о ней не рассказывал?

— А вдруг ты стала бы ревновать?

— Ну, не исключено, конечно, но как я понимаю, это важно для тебя.

— Ничего особенного, просто старые отголоски молодости.

— Ага, а сейчас ты прям старик!

— Не то чтобы, но давно это было.

— Итак, а фотка-то ее есть?

— Есть.

— Покажи-ка быстро, небось много их хранишь?

Я достал телефон, зашел в закрытый архив и показал Наде фотку.

— Симпатичная, и чем все закончилось?

— Ничем...

— Почему?

Она совершенно не подала виду — ни ревности, ни печали.

— Может она ждёт твоего звонка?

— Сомневаюсь...

Остаток вечера мы провели, играя в настольную игру и распивая бутылку полусухого. Я тщательно приглядывался к ее глазам пытаясь найти хоть немного сожаления или немого

вопроса, но не нашел. Женщины поразительно овладевают таких искусством, сами того не хотя, они умеют тщательно скрывать такое, но все же когда есть публика, она, как актрису умеют вывести тебя на эмоции. Думаю, она все поняла. Надя тогда была осторожной, но раскусить ее замысел я так и не смог — полнейшая тишина в мой адрес.

Сейчас, когда ее нет уже больше двух месяцев, вопросов стало только больше. Каждую неделю я приходил на кладбище и приносил ей цветы, вглядывался в ее портрет и искал ответы, которых, по всей видимости, найти было не суждено.

Зимой хочется тепла, осенняя стужа сменяется морозом, воздух становится мертвым и наши сердца бьются, сильнее разгоняя кровь по жилам. Это время года мне все же нравилось, никогда не любил надевать летние открытые вещи, по мне так лучше натянуть на себя много слоев одежды и, выходя на улицу завернуться еще и в шарф — отгородится от всего мира. Временами я все-таки выходил в социум ближайшей кофейни выбирая себе место у окна долго всматриваясь в прохожих ища очертания того, кого больше нет.

Напротив меня, через столик, сидел неопрятный мужчина и пил, судя по всему, непритязательный для этого заведения напиток — черный кофе. Его всегда подают в простом белом стакане. На рукаве левой руки под завернутой почти под локоть рубашки была татуировка с довольно интересной символикой.

— Извините меня, можно вопрос? — приподнявшись со стула и, машинально схватив свой раф, сказал я.

Мужчина видимо не расслышал и продолжил пить кофе.

— Извините — повторил я.

Он окинул меня взглядом, его взгляд и обвисшие черные мешки под глазами явно не внушали продолжение качественной беседы.

— Ваша татуировка...

— Да, и что же?

— Писательский союз феникс.

— Верно.

Мужчина поторопился прикрыть татуировку как нечто запрещенное или неприглядное.

— Вы член этого союза?

— Да ты, парень, прозорлив — он усмехнулся.

— Прошу вас, можно пересесть к вам и задать вам несколько вопросов?

— Только если закажешь мне коньяка.

Через десять минут мужчина напротив меня опустошал уже третью рюмку и с каждой новой порцией алкоголя его ответы становились все менее понятны.

— Как вступить в этот союз? Ничего в интернете я не нашел.

— Да, хм, хм, его нет во всяких там интернетах, да, хм, хм, его вообще уже нет.

— А что стало с этим союзом?

— Ничего, распался.

— Вы писатель?

— Что ты от меня хочешь? Видишь, выпивка закончилась, пацан. Закажи еще.

Мне нужно было торопится: мужика скоро развезет от выпитого и скорее всего его выпроводят из заведения.

— Я куплю вам все что захотите из меню, мне нужно все, что вы знает о фениксе! — громко заявил я.

— Пожалуй, в таком случае, я дам вам пару номеров.

Мужчина достал старую облезшую записную книжку и кожзаменителя, немного покопался, вырвал оттуда неровный листок и протянул его мне.

— Вот эта бутылка, — он указал на дешевую бутылку водки «0,7», которую он, по-видимому, собирался выпить уже на улице, потому что охранники уже давно смотрели на него косо.

Не знаю почему мне так понадобился этот листок, по всей видимости захотелось немного поиграть в детектива, а возможно и правда она не все рассказала мне, в любом случае стоит позвонить раз уж номера все равно были у меня.

Такие тайны совершенно не похожи на нее, казалось, я знаю ее до микроскопических подробностей, она словно была у меня на ладони. Писательский союз — такое я бы не смог забыть. Если она что, то написала, то почему я ничего не прочитал? Загадка.

Однажды, еще в детстве, мы любили поиграть в детективов с одной девчонкой, мы могли проследить за кем-то до подъезда и даже придумывали разные загадочные истории про человека за кем следим. Казалось — все это взаправду.

Признаться честно, я ожидал большего: все номера за исключением одного оказались не в сети. Только второй номер порадовал меня гудками на проводе, но не более того, ничего, абсолютно ничего. Купленная бутылка водки была напрасной и вскоре я совсем забросил идею найти кого-либо из писательского союза. Никакая символика, даже похожая на эту, не была мною найдена.

Тёплая погода, я крайне свеж. Моя одежда пахнет домашним порошком. Меня привезли в дом к моему другу на день рождения. Большое интересное помещение с прогулочной зоной. Мы неплохо общались с ним до тех самых пор, пока он не уехал, как и я из этого города, где мы родились. Я бы мечтал найти то самое место, но не смог, там была она. Еще одна конфета приторная и ядовитая — мое воспоминание о ней, она осталась со мной вдвоем на детской площадке.

Суть разговора затерялась в обрывках памяти, все свелось к самым ярким и отчетливым кадрам жизни. «Ты всегда хорошо выглядишь» — ее слова и она уходит. Говорить то, что я почувствовал в тот день это бесполезно. Мое воспоминание прерывает звонок

Один номер все же был на связи, трубку взял мужской голос. Голос был тихий и спокойный, спокойствие голоса этого мужчины было совершенно на ином уровне. Никогда еще мужской голос не вызывал у меня ассоциаций такого рода. Мужчина на удивление предложил мне встречу, на что я ответил согласием, правда предложил мне встречу в машине. В тот день лил страшный дождь, но на мое предложение перенести встречу он ответил отказом.

— Здравствуйте, — сначала я пальцами немного постучал в окно его автомобиля на что он сразу махнул мне рукой, приглашая сесть в салон.

— Здравствуйте, извините, что немного опоздал — от того, что я торопился, я понемногу вытер пот со лба и осмотрелся

— В чем Ваш вопрос и откуда у Вас мой номер? — мужчина посмотрел довольно строго, даже враждебно.

От этого мне невольно показалось, что он представитель полиции или какой-либо силовой структуры.

— Так откуда? — он повторил вопрос держа руки на руле и вкрадчиво посмотрел мне в глаза.

— Мне дал его один человек в баре, у него была татуировка — я говорил правду, но интереснее всего было смотреть за его реакцией.

Он как будто не верил мне, но я не чувствовал враждебности. Только поначалу, но к середине разговора она свелась на нет.

— Хорошо, я состоял в этом союзе, но с чего бы вы заинтересовались этим? Ну, вы не поймите меня неправильно, редко кто ищет такое, если только что-то не пытается выяснить.

— Нуу, — я помедлил, мне не хотелось рассказывать ему о Наде, да и вообще эта история выглядела странно.

С другой стороны, вся наша встреча и суть ее беседы выглядела странно.

— Так скажем, один близкий мне человек имел возможность состоять в этом союзе.

— Кто этот человек? — спросил он.

— Я не буду говорить кто этот человек. Зачем? — ответил я и мы переглянулись.

Дождь из мелко бьющих капель превращался в настоящий ливень, и мне дико не хотелось выходить из его машины в этот момент. Но, казалось, наш диалог идет к завершению.

— А вдруг я знаю этого человека? — ухмыльнулся он, настаивая на своем.

— Давайте уж начнем тогда с того, как Вас зовут.

— Меня зовут Георгий.

— Спасибо.

— Так кто тот человек?

— Георгий, я не хочу, чтобы у меня, возможно, были проблемы. Может это, что-то запрещенное, да и вас я особо не знаю. Давайте остановимся на этом.

— Ну, хорошо, — тогда он начал говорить совершенно по-другому. — Вы помните, возможно, ну, скажем, школьные годы? Хорошо их помните?

— У вас все нормально? — после того как я спросил, мне стало немного совестно от того, что вопрос показался мне грубым.

Ну, действительно. Незнакомый человек просто на просто спросил про мои школьные годы, а я тут же начал огрызаться. На мое удивление, с каждым разом он вел себя все более странно. Не в словах, а в реакциях. Бывает, что простое слово вызывало у него накат слез в глазах, но он не плакал. Да и слезы эти были не слезами тоски или горя, скорее эмоции были хорошие.

— Да в порядке я, в порядке.

— Тогда зачем спрашиваете такое?

— Ни за чем.

— Спасибо за разговор, — я собирался уходить к тому же дождь сошел на нет

— Вы действительно выглядели хорошо в тот день, и она выглядела прекрасно, эта трава под ногами, новая одежда, которую тебе вчера купили. Ты безумно рад, ты знаешь, что выглядишь хорошо. Но она ведь еще лучше. Ты же помнишь. Помнишь, как скрипели качели, на которых она раскачивалась. Помнишь это ощущение. Вы одни, впервые за много лет одни. Ты рад даже не этому обстоятельству, а то что по ночам можно будет раз за разом воспроизводить все это у себя в голове. На ней джинсы со стразами и белая маечка, ты все прекрасно помнишь.

Я больше не хотел выходить из машины. Когда вас грабят это не так омерзительно, как то, что кто-то лезет в ваши мысли, от ощущения того, что кто-то делает это с доскональной точностью по коже пробивает мелкий холодок, ты будто в его власти, совершенно беспомощный.

— К чему вы все это сказали?

— Ни к чему, просто мне стало понятно кто вы такой.

— Теперь, правда, мне не понятно.

— Поверьте на слово — это и не важно, я просто хотел попросить вас об одолжении.

— Каком?

— Я напишу вам записку, а вы отдадите ее одному человеку.

— Кому?

— Вы поймете.

Он порылся в бардачке и достал небольшой белый листок, по-видимому написал на нем короткую фразу и свернул вдвое.

— Держите.

— Я так ничего и не понял...

— Феникс, который вы ищете, существовал, вы на правильном пути. Вы получите то, что ищете, но должно пройти время, а сейчас мне нужно ехать.

Мы расстались с ним, когда дождь уже закончился. Он высадил меня около дома оставив меня в больших раздумьях. Мне не было интересно, что написано на бумаге, но я конечно же прочел тем более, что он и не запрещал мне читать то, что там написано.

ЕСЛИ ТЫ СОБРАЛ ИХ ВСЕХ ТО, ДУМАЮ, ЧТО ЗНАЕШЬ, КАК НУЖНО ПОСТУПИТЬ

Уже дома я задумался над его словами, нет меня не беспокоило то, что он слишком точно описал события из моей памяти, дело скорее в ощущении, что внутри буквально завораживало в нем.

— Может какой-то экстрасенс-шарлатан? — первое, что приходило мне на ум.

Вся моя жизнь — это комфортный приторный марафон без испытаний, без проблем. В таком ритме мне удавалось находиться все мое время. А Надя могла творить добро из ниоткуда из себя и лучше всего она делала это, когда заботилась о тех детях с глубокими проблемами. Она находила в себе силы делать добро просто по зову сердца. Мне сразу вспомнился тот мальчик, про которого она рассказывала, когда плакала. Ее слезы — своеобразная плата, карма, которая преследует тех, кто творит добрые дела. Тех немногих, кто своими тонкими косточками могут сдвинуть громадину зла, которая творится в мире.

На следующий день я уже сидел в корпусе детской реабилитации, где она работала.

Мне даже показали ее рабочее место, благо ее начальник решил ничего не выкидывать и сохранил все ее вещи. На ее работе на меня смотрели довольно странно, никто не захотел поговорить со мной. В маленьком рабочем блокноте, который я открыл при первой возможности, когда никого не было рядом я, пролистывая страницы имел возможность видеть всю ее работу. Надя была педантична в работе и очень аккуратно вела всю документацию, связанную с центром реабилитации. В отдельной графе блокнота были записи, касающиеся ее личной жизни.

забрать пальто из химчистки;
Встреча с Угрюмчиком;
Тушь, артикул 314.

Вещи несут невероятную силу. Особенно когда они в твоей власти, когда ты представляешь, прокручиваешь в памяти, как она брала этот блокнот и делала эти записи, какие эмоции испытывала, записывая что-то приятное. Я сжал блокнот в руке и вернул на место. Сел на ее розовое кресло и слегка покрутился вокруг своей оси. На верхней панели монитора были приклеены пару стикеров, на столе порядок, вся канцелярия разложена аккуратно.

В комнату вошел тучный мужчина в сером пиджаке:

— А, здравствуйте, вы мне звонили?

— Да

— Примите мои соболезнования. Вы ее близкий человек?

— Да, я действительно близкий ей человек, но никем не являюсь ей.

— Эм, понятно. Так какое у вас ко мне дело?

— Она рассказывала мне о мальчике с трудной семьей

— Ну, простите, здесь обычно не бывает небожителей. Все мальчики и девочки здесь довольно трудные.

— Хорошо, его зовут Артём.

— Есть такой, сейчас.

Он пригласил меня в свой кабинет и стал искать данные об этом мальчике.

— Он назначен в опекунскую семью.

— То есть его история закончилась хэппиэндом?

Мужчина стал отворачивать взгляд.

— Эта семья не совсем такая.

— Что это значит?

Бывают такие семьи, которым платят за то, что они взяли под опеку чужих детей. Несмотря на это такие семьи не самые лучшие. Они просто пользуются привилегиями государства.

— Он как раз в такой?

— Боюсь, что это так

Раздобыв адрес, я решил направится именно туда. Разыскать этого мальчишку было довольно странно. Да и чтобы я сказал ему при встрече, учитывая, что мы виделись всего один раз в машине. На окраине спального района, там, где уже практически начинается частный сектор и располагался дом этой семьи. Постучавшись и в дверь, и в окно я никого не смог оттуда выманить. Надавив посильнее на ручку двери, я попал внутрь этого дома. Было около полудня, но в доме никого не было. Первым делом мне в нос ударил запах пота и прокуренного помещения. По документам значилось, что здесь живет четверо детей. На освещенном солнцем столе стояли недопитая бутылка водки и пачка с приоткрытым хлебом. Ящики стола на кухне были выдвинуты, в доме было затхло и отвратительно.

Хозяева спали на кушетке возле кухонного стола — это были слабо походящие на людей два тела. Женщина с короткими засаленными волосами лежала в обнимку с мужчиной. Их штаны были приспущены, что навеяло мне мысль, что они прямо после выпитого алкоголя решили заняться сексом, а в такой позе и уснули. Окна были заколочены и, первым делом, я решил приоткрыть их дабы впустить в комнату немного свежего воздуха. Находиться внутри было невыносимо, и только жажда найти здесь мальчика заставила меня пройтись дальше. В соседней комнате с оборванными обоями была лишь кровать, старая тумбочка и много накиданных вещей в углу и двое детей, сидевших в обнимку на диване. Мальчик, которого я сразу узнал, крепко-крепко прижал к себе девочку с большими карими глазами. От испуга девочка уткнулась носом в его рукав, а мальчик гордо продолжил смотреть на меня, не отрывая глаз.

— Это вы! Я вас помню...

— Да, это я, ты же помнишь Надю?

— Помню. Что вы хотите?

— Помочь тебе.

— Я не поеду в интернат!

— Не в интернат, ко мне поехали.

— Но я не поеду один, только с ней.

— Хорошо.

Мы не стали собирать никакие вещи, и будить их замечательных опекунов тоже. Ничего из этого дома смысла брать не было. Я прекрасно понимал, что просто так увезти этих детей из дома я не мог, но человеческое взыграло. Ждать месяцы, чтобы забрать их или срочно, сейчас же забрать их из этой помойки. Выбор очевиден. По пути до машины, мальчик крепко держал девочку за руку и не оборачивался назад. Девочка, Маша, пару раз обернулась в след уходящему от ее взора дому, будто бы вселяя надежду еще раз вернуться в семью и быть преданной. Артём же не оборачивался, прекрасно понимая, что никогда больше не вернется обратно.

«Она бы сделала так же на моем месте, я уверен» — размышлял я, увозя детей к себе.

Я постелил им в гостевой комнате. Мы заказали еды и переоделись в чистые вещи. Артём внимательно осмотрел комнату своим ярым беспризорным взглядом присущим только таким людям, кому удалось пройти через ад. Это взгляд волчонка после битвы, который потерял все вокруг, но не потерял уважения к себе. Иногда он поднимала взгляд на меня, такой пустой, что будто смотря на меня он видел лишь жертву, хоть и был ребенком. Маша же, напротив, ничего

такого не проявляла, она очень робко и осторожно осмотрела комнату и то и дело спрашивала разрешения сходить то в туалет, то просто на кухню. Такие вопросы казались мне дикими, и мне каждый раз приходилось убеждать девочку, что спрашивать такое у меня не нужно. Она долго ходила по квартире рассматривая все, что лежит вокруг и на полках. Ей очень понравился браслет, который лежал у меня на тумбочке оставленный как-то Надеждой.

— Можно посмотреть? — спросила меня девочка.

— Конечно.

Она взяла его, надела на руку и пошла смотреть на себя в зеркало в гостиной. Артём увидел это и поспешил снять браслет с ее руки и положить обратно на полку. Слезы девочки не заставили себя ждать и полились рекой

— Нужно вернуть на место. Маша, не плачь.

— Почему? Пусть забирает — сказал я.

Он был непреклонен. Мы сидели за столом и молча ели. Мальчик надламывал хлеб и клал его в рот маленькими кусочками, девочка же, опустив голову над тарелкой жадно поедала приготовленные мною котлеты так, что ее темные волосы спадали на стол. Делать замечания я не стал, мне показалось, что их нервная система должна прийти в норму.

Вечером, когда все легли спать, я пошел на кухню попить воды. Артём сидел в углу кухни и не подавал никаких признаков движения, словно сидел в засаде.

— Что дальше?

— Что? Прости, я не понял.

На самом деле мне понадобилась секунда, чтобы понять его вопрос.

— Зачем вы нас сюда привезли, только честно?

— Так нужно.

— Для кого нужно? Поиграться с нами и снова бросить как это делают все?

— Я вас не брошу.

— Все так говорят. Одинокий обеспеченный мужик, живущий один в хоромах, взял к себе двух оборванцев. Не верю я в такое.

— Она бы так хотела.

— Надежда Сергеевна, где она? Она твоя жена или кто?

— Она умерла.

— Черт, почему? Почему она? А не эти ублюдки, которые нас взяли к себе. Знаешь, этот отморозок однажды полез к Маше. Он подкрался один раз ночью к ней с маленькой такой игрушкой, будто хотел сделать ей подарок, какая-то мягкая игрушка единорога. Она обрадовалась, но затем он достал грязный кухонный нож, которым недавно открывал банку с сайрой, Черт, мы только ее и жрали. Точнее то, что останется. Нож он приставил к ее животу, а я накинулся на него сверху и стал душить. С тех пор Маша стала писаться ночью. Прошу, ее нужно вылечить.

— Обязательно — сквозь гнев и слезы ответил я.

— Еще я хочу отомстить им, всем им, они заслуживают смерти — мальчик крепко сжал стакан в руке и его глаза наполнились крупными слезами, которые застряли в его глазах.

— Не нужно мстить, не нужно поверь — я положил руку на его и ослабил хватку.

Долгие месяцы потребовались мне, чтобы уладить юридические вопросы, это оказалось довольно сложным процессом. Благо, слова детей приняли в расчет и быстро отказались от последней семьи усыновителей. Все произошло спонтанно, но так как и должно быть. Не считая денежных затрат, казалось, Артём ведет себя намного больше, как отец чем я, он буквально не ложился спать, пока не уснет Маша. В моем предположении тот случай с ножом оставил на нем непоправимый след и в глубине души он боялся, что я могу поступить с девочкой как ее прошлый опекун. Он спал, прикрывая глаза не до конца, будто хищник, охранявший

свою добычу. Она же спала прекрасно и по долгу не могла проснуться, он с большим трепетом накрывал ее одеялом, но в то же время мог быть с ней строгим.

Дети, конечно, творят чудеса, с ними мои любовные воспоминания стали угасать, просто не оставалось ни на что времени. Навалилось и много работы по дому, которую я, конечно, не был в силах исполнять в полном объеме. Мне понадобилась помощница. Я не смог поступиться банальными мужскими пристрастиям к красивой домработнице или няне. Я отметал много хороших кандидатур, но менее красивых. Наталья понравилась мне сразу и, еще на стадии разговоров, а в дальнейшем при личной встрече сразу понял, что именно она будет сидеть с детьми.

Быть честным перед собой, хотя бы перед собой. Я не испытывал большой любви к детям, не испытывал я и огромной радости от общения с ними, все же это походило на эксперимент и, возможно, поиск помощницы по дому и няни — это сугубо мое желание уйти от забот по воспитанию детей.

Наталья выглядела красиво: милое лицо, светлые волосы, длинные ноги и особенно, что запомнилось именно мне тонкие плечи и запястья. Ее голос сразу понравился детям, он был прерывистый в нужных моментах и довольно ласковый, но без фальши.

По утрам у нас дома очень вкусно пахло, такой аромат еды может создать только женщина, был убежден я. Блины, панкейки, тосты, она делала девочке кашу на молоке, а Артему пекла блины. Порой я, не входя на кухню наблюдал за ее плавными движениями на моей кухне и в душе играла улыбка. Конечно, я вспоминал о Наде, представляя как это могла бы делать она, совершенно произвольно в моем сердце стало возникать ложное чувство предательства к женщине, которая даже не была моей. Иногда Наталья оборачивалась и бросала улыбку на меня, когда я мог остановиться в проходе кухни и наблюдать за ее действиями. После этого ее движения всегда немного замедлялись и приобретали излишнюю сосредоточенность.

Стол пришлось купить новый, более длинный. Наташа оставляла место на его узкой части для меня, подчеркивая тот факт, что я глава семьи, это невероятно подстегивало. Но все же, все люди в моем доме попали в него случайно, и то, что я видел, как Наташа готовит для всех завтрак, по вечерам совершает уборку или гладит белье было иллюзией семьи. В реальности же все было куда более прозаично, чем те ассоциации, что могли возникнуть на первый взгляд. Приторная картинка, лишь образ, в душе же я был одинок.

Одиночество — это не судьба человека — это его свойство. Я всегда был такой. Мозг видит образ и хочет его принять, жениться на Наташе и вот у меня уже семья. Возможно, она была бы не против, скрывать не нужно, я был симпатичен ей. Критерий этого факта — женская забота, и деньги здесь не причем. Женщина любит убираться в доме мужчины, который ей симпатичен, она делала это с особой заботой, нежностью. По утрам она приносила свежие цветы и ставила их в вазу, на холодильнике она оставляла мне записки с небольшими напоминаниями про детей, тщательно следила, чтобы дома было все в достатке. Для дома женщина — спокойствие, для мужчины — игрушка. Своими женскими флюидами она собирает этот пазл снова и снова, пока не будет точно уверена, что каждая деталь на своем месте.

Артём заметно смягчился, мы купили ему краски и от тяжелых пустых изображений монстров на бумаге с подачи Натальи его рисунки все же стали смягчаться и приобретать фактуру. Девочка была от нее без ума, такого симбиоза было трудно представить. Как органично все же Наталья вошла в нашу жизнь с детьми. Маленькое объятие, пусть не материнское, но и уже не чужое для девочки был заживающим бальзамом для ее сердца, спасением от ее страшного прошлого сироты. Мы отвезли ее в клинику, и она перестала писаться в кровать, Наталья долгое время, в любое время, сразу меняла постельное белье на чистое и, впоследствии, мы излечили этот недуг. Артём растаял, но не сразу, воспринимая сначала нашу помощницу как чужака, впоследствии он открылся ей и стал доверять.

По ночам он часто просыпался и сразу бежал к девочке поверить, как она спит. Он мог положить руку на ее одеяло, посмотреть на нее с минуту и, когда, наконец, сон опять придет, ложиться спать.

Наталья стала задерживаться все чаще и чаще у нас. Она могла невзначай оставить какую-либо маленькую вещь на тумбочке или в ванной. В некоторых случаях мужчина и женщина не могут даже посмотреть друг на друга, взгляды их испортят. Похожее было у нас. Чтобы хранить чистоту, от которой уже не осталось и следа мы просто делали что должны: она делала все по дому, я наблюдал за ее движениями. Все без малейшего взгляда. Такое нельзя просто передать словами. Она даже не доставала при мне телефон, подчеркивая свою преданность мне и детям. Постепенно я перестал думать о чем-либо, когда она находилась в доме, постоянно искал повод заговорить. По утрам мы могли выпить кофе и обсудить совершенно отвлеченные вещи. Затем она шла в комнату, переодевалась и приступала к работе.

— Можно я не буду говорить вам этого — сказал как-то я перед завершением ее рабочего дня.

Она стояла возле шкафа с одеждой и аккуратно собирала свою спортивную сумку.

— Вы все равно скажите, — с очаровательно-легкой улыбкой ответила она мне.

Она посмотрела на меня и глаза заговорили лучше всего. Глаза не умеют врать, только слова. Но когда глаза шепчут, заигрывают с тобой в них можно открыть и страх, и истинную глубину удовольствия.

— Мы сегодня что-то разрушим? — спросила она меня посмотрев мне прямо в глаза.

— Пусть лучше мы это разрушим, чем от этого сбежим.

Через пять минут ее одежда оказалась на полу, какая-то болезненная страсть буквально сбила нас с ног. Бывает просто на просто ты пропадаешь, секунда и чеку срывает и происходит взрыв, как нежность смешанная с такой прозорливой серьезностью и блаженством. Мне, впервые за долгое время, было приятно проснуться с женщиной. Одно дело с ней засыпать, когда кровь в теле заставляет пылать при виде красивого тела, другое дело проснуться, когда она невооруженная, слабая. Посвятить человека в свое утро гораздо более интимная вещь чем посвятить его в свое тело. Любая женщина в душе актриса и ждёт своих аплодисментов, пусть даже ее зритель один лишь ты. В утренней постели женщина не играет, она красива своей непринужденностью, она словно говорит тебе: да, я бываю и такая, не играю сейчас с тобой.

Когда я проснулся, мой взор упал на лямку ее кофты для сна с небольшим элементом кружева. Слегка привстав и нагнувшись перед ее лицом, я увидел умиротворение. Тело приподнималось от каждого глотка воздуха, одеяло закрывало ее по плечи. Я положил руку на талию чтобы ощутить тепло кожи. Прикрыв ее одеялом, я пошел на кухню, чтобы сварить себе кофе. Вылезать из-под одеяла не хотелось, по ногам сразу пробежал холодный воздух квартиры и даже вкус кофе казалось не перевесил на чаше весов в пользу моих холодных ног. Проснувшись, Наталья приняла от меня чашку горячего напитка и приподнялась на кровати. Она запуталась в одеяле так, словно ее грудь была обнажена. Стеснение после первой близости — правильная вещь, девушка пытается сохранить иллюзию загадки тела, которого, по сути, уже нет, зная, что было ночью. У нас не было сил говорить, кидая друг другу ласковые взгляды мы продолжали наслаждаться началом нашего дня. У каждого зародился вопрос этим утром: а что будет дальше? Как и полагается, решать было мне. Мы проснулись и мне просто остро захотелось недолго побыть одному, я ушел в другую комнату. Она невозмутимо заправила постель, переоделась и пошла готовить завтрак, дети еще спали. Я пришел к ней, она была у плиты, я смотрел на нее.

— Мне нужно будет уехать — не отрываясь от готовки сказала она.

— Куда? Зачем?

После этого она все же посмотрела на меня, и уже не отрывая глаз сказала:

— Я уеду совсем, мы не можем боль…

Зазвонил телефон, по спине пробежала неприятная дрожь от ее слов, мозг дослушал фразу и без ее слов

— Извини, секунду, — я взял телефон.

Разговаривать по телефону я вышел в коридор.

Когда я вернулся, Натальи уже не было, девочка плакала, а мальчик просто стоял в коридоре и смотрел на меня.

— Она уехала, оставила тебе записку на кухне, — сказав это, он зашел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Гадкое чувство, когда женщина покидает тебя, на тех местах, где лежали ее вещи теперь пусто, словно тебя обокрали. Ее вещи, казалось, стали уже общими, а теперь произошло разделение на ее и твое. Читать ее слова в записке я не стал, а просто решил немедленно вернуть ее. Она не брала трубку — глупо было пытаться набрать. Я приехал на единственный адрес, который знал. Маленькая квартирка на окраине города, которую она снимала вместе с подругой. На пороге стояла как раз подруга, я прошел мимо и направился в комнату. Наташа расставляла вещи на полке.

— Я люблю тебя.

Она повернулась ко мне.

— Ты должен уехать.

— Почему?

— Ты все понимаешь.

— Нет.

— Послушай, это случилось, и я знала, что случится, это было прекрасно. Утром ты боялся смотреть мне в глаза. А знаешь почему? Потому, что не знал, что будешь делать дальше. И я это почувствовала, я живой человек. Ты не знал, как дальше действовать. Ты меня не любишь, если бы любил давно сказал бы это, но делать из меня проститутку ты тоже не хочешь, видимо совесть. Вот я и ушла.

— Есть вещи, которые сейчас очень запутаны, но они не встанут поперек нашим отношениям, ты нужна мне именно ты, как женщина, ничего больше. Притворяться больше тоже не хочу. Прости меня за утро, я боялся сказать тебе. Ты та, без которой не будет ничего, я хочу с тобой быть.

Вещи вернулись на место, каждая баночка каждая заколочка, каждая маечка легла на место. А ночью был самый потрясающий секс в моей жизни, а потом была Надя, как молния, как наваждения, она снова вернулась.

Во сне невозможно рассуждать, как мне казалось, я стоял на обрыве, а за мной росли цветы. В мире все, пожалуй, можно подделать, любую банкноту сколько бы степеней защиты на ней не стояло, люксовую сумку и даже вкус любимых сигарет. Но любовь подделать невозможно. Что-то внутри воспротивится произносить эти заветные слова, а если произнесешь, это будешь не ты. Как не уговаривай себя изнутри полюбить не выйдет, как не расшибай себе голову все равно на другом конце обрыва будет та самая, который может уже и нет в твоей жизни.

Наталья была великолепна, чистый откровенный человек полюбивший меня искренне, положивший свою ладонь на мою, когда пришел час, принявший от меня кольцо как символ того, чего не было. Судьба женщины, которую не любит мужчина — тихая грусть и безропотная надежда, что пройдёт время и он забудет ту самую. От того пирога счастья, который мог бы достаться ей, она покорно сметает крошки себе в ладонь и довольствуется малым. Такие отношения не могут охладеть, они беспроигрышны, но все же для них необходим особый человек. Она была им без всякого сомнения. Когда мы были рядом, она клала ладонь мне на щеку и нежно целовала меня в губы, она держала в руках подарки, которые я купил ей на свои деньги и была счастлива, иногда я даже покупал ей прокладки в соседнем супермаркете поздно ночью.

Постепенно я стал чувствовать себя взрослым, это пришло ко мне, когда я понял, что женщина тратит достаточно много своего времени лишь на меня. Моя надежда была связана с тем, что она знала, что я не полюбил ее, а другая надежда лежала в могиле накрытая букетами моих цветов, которые я стал приносить ей теперь реже чем раньше. Именно букеты, мне хотелось, чтобы она знала — я прихожу к ней, как к живой девушке. Когда человек умирает остается лишь память, но у меня она еще окончательно не сформировалась, Надя все еще жила во мне.

Вечера мы проводили дома, Наташа не любила выходить гулять и лишь изредка мы выбирались в торговый центр или за продуктами всей новой семьей. Утром она заплетала Маше косички и могла поругать Артема за беспорядок в комнате. Все чего не хватало нашей маленькой идиллии топот маленьких ножек в спальне, плод совместной любви. В какой-то момент мне даже захотелось сделать это до конца, она закрывала глаза, когда доходила до финала, прожилки на ее шее напрягались, тонкие пальцы впивались в подушку или в меня. Возможно, она ждала, ждала и надеялась, что я доведу дело до конца.

Как-то, убираясь в комоде, она наткнулась на записку Георгия и передала ее мне совершенно машинально, без всякой причины. Как же тускло отсвечивает мнимое счастье, когда задумываешься, что все стоит на местах, но постоянно хочется изменений. Сердце — неугомонная штука у тех, у кого нет счастья, у тех, у кого есть недосказанные слова и тех, у кого есть тихие запретные мечты, когда отворачиваешь подушку от якобы любимого человека. Наверняка есть люди, которые за всю свою жизнь переживали восторг лишь закрывая глаза. Я тоже не исключение, я попал в эти сети, я попал туда откуда сердце рвется и тихий покой сдувается, словно маленькие перышки созревшего одуванчика. В тишине прохладных стен квартиры в которой живешь ты и твоя нелюбимая женщина, ты никогда не найдешь покоя, в аккуратно разложенных вещах, в маленьких спокойных вечерах непременно будет нечто, что одергивает тебя как незнакомый неприятный пешеход сзади и говорит:

— Погоди, не расстраивайся слишком, а ведь может быть и иначе.

ГЛАВА 3. ПУТЕШЕСТВИЕ ДОМОЙ

Мы не замечаем как проходит наша жизнь, она неизменно ускоряется с каждым годом, да порою так, что и мгновения не поймать. Оборачиваясь назад теперь и диву даешься, как все получилось. Даже проблемы не успеваешь решать, как они сами себя исчерпывают. Дети начали ходить в школу и окончательно освоились, мы с Наташей стали оставлять их одних и уже могли выбраться куда-то вдвоем. В основном это были загородные коттеджи и домики сдавшиеся посуточно на частных турбазах. Мы стали ближе, мы стали единым организмом, если это модно так назвать. Она всегда прислушивалась к моему мнению и мне это очень льстило. Порой я даже специально вносил во что-то коррективы, и она всегда делала так, как хочу я. Мне казалось, я имел на это право. Я дал женщине пространство, не колесо для белки, а именно уют, в котором она могла чувствовать себя желанной, старался внимательно реагировать на ее женские недомогания. Она не могла забеременеть, мы долго пытались и вроде даже перестали надеяться на чудо. Затевать разговор об этом было страшно, так не хотелось ее обидеть. В сексе стал чувствоваться этот страх, а в дыхании отголоски недопонимания на вопрос «почему».

Жизнь приобрела привычный распорядок, в котором каждый из нас мог узреть себя, тихое ненавязчивые сладкое болото жизни. Совместные покупки по супермаркету, выбор дверных ручек в спальню, нежелание детей делать уроки, новогодние костюмы к Рождеству, счета за электричество, таблетки от головной боли и всякая житейская мелочь. Выпадающие изредка моменты просветления — мои сны, стали приглушенные, мое сердце и разум стали к ним привыкать. Образ той, которая жила во мне, казалось, стал тускнеть и перерождаться в другие формы, других людей. Мой распорядок висел на холодильнике, и Наташа часто помечала мне

маркером самые важные дела или же дела, которые я попросту мог забыть. Отвезти Артема на детский утренник было одной из таких задач. В центре города пробки, а в желудке было совсем пусто и в мою забитую до отказа голову ластилась мысль пропустить это мероприятие. Мы сели в машину и поехали вдвоем, немного поговорив по пути до нашей точки. В здании центральной библиотеки было много людей: родители, учителя, и, конечно, сам директор библиотеки.

В центральной комнате, с большим ковром расположили детские стулья, родителям же предложили места у книжных стеллажей. Осмотрев людей вокруг, я заприметил несколько красивых мамочек виновников этого торжества, но дав себе указание не отвлекаться на такое, сосредоточился на детском уроке. Урок был крайне скучным, рассказывая детям о патриотизме и важности учителя, казалось, сами не верили в свои слова. Удержаться чтобы не уйти было крайне трудно, две красивые женщины, сидевшие рядом со мной, были тем магнитом заставляющим меня находиться здесь. От одной очень приятно пахло, вторая оделась так вызывающе и была так красива, что, если бы урок патриотизма вела она, я записался бы добровольцем в регулярную армию. Подстегивали мои пошлые мысли и охладевшая в последнее время наша с Наташей постель, оставшаяся без былой страсти и желания.

Урок шел долго и, на мое счастье, моя соседка забыла сумочку.

— Это ваше?

— Да спасибо, — улыбнувшись ответила милая девушка, взявшись за кожаные ручки своей сумки.

Я вручил ей сумку и совершенно интуитивно направился за ней. Она просто не могла не чувствовать мой взгляд на своих бедрах и никто, казалось, не может его от них оторвать.

— мужчина! Подойдите я вас запишу, — голос библиотекарши приостановил мою игру.

— Что? Куда запишите?

— Вы папа кого?

— Артема…

— Ааа, вот и хорошо, пройдите ко мне.

Мне ничего не оставалось как лишить себя удовольствия наблюдать за потеряшкой и подойти к тучной старой женщине с очками, висевшими на резинке на шее.

— Вот, пожалуйста, заполните талон.

— У вас не будет ручки?

— Держите, — с неохотой произнесла библиотекарша и протянула мне ручку привязанную к телефонному шнурку. — Не хотите записать вашего Артема в писательский клуб или детский союз?

— Знаете, я спрошу у него, — торопливо заполняя талон, отвечал ей я.

— Может вы слышали про такой союз как Феникс? — кладя ручку произнёс я и направился к выходу из библиотеки.

— Конечно слышала.

Третий этаж класса информатики, она сидит перед выходом в белых колготках с рисунком. Я в старом неопрятном пиджаке сижу через парту и не отрываю от нее глаз. Это место во снах приходило ко мне очень часто. Она, опустив голову, аккуратным почерком выводила буквы в своем конспекте. Я бы запомнил больше, больше. Если бы вернулся туда сейчас, каждую мелочь. Как лежали ее волосы, какая резинка была на ее волосах, каждое движение ее глаз, малозаметные детали, которые тогда были мне доступны и открыты теперь приходится собирать по крупицам. Эти воспоминания как марки, монеты или бейсбольные карточки с годами становились очень ценными и приобретали баснословную величину. Пропуская каждое мгновение заново, не живя реальной жизнью, я убивал себя вновь и вновь презирая в первую очередь себя и здравый смысл пуская свои годы под откос. Бесконечные повторения и снова перерождения не освобождали мою голову, а убивали ее.

— Прошу вас, расскажите мне о союзе Феникс все, что вы знаете.

— Молодой человек, вы куда-то спешили...

— Уже нет.

— Кажется она ушла, но можно попытаться догнать.

— Хватит, речь же не об этом.

— Вы уже показали свое отношение к нашему вечеру, видно вам было не интересно.

— Послушайте, ну я же простой человек, кому может быть интересен детский урок?

— Ну, куда уж нашим урокам сравнится с женскими ногами!

— Извините меня, можно пригласить ваш на чашку чая.

— Молодой человек, ваш чай мне не интересен, а вашу похоть приберегите для другой аудитории. Ну, хорошо, пойдемте за мной.

Мы зашли за книжные стеллажи и прошли в маленькую пыльную комнатку с скрипучим полом. Все стены были обложены книжными полками, а посередине стоял столик с заветной геральдикой союза «Феникс».

— довольны?

— Да, но…

— Что но?

— Здесь много лет никого не было.

— А что вы хотели, вы издеваетесь? Клуб закрыли в 94 году.

— Нет-нет, не может быть.

— Вот дурачок, говорю же ему, а он не верит.

— Хорошо, послушайте, а что, если я знаю человека, который еще не родился к моменту закрытия клуба, но являющимся его участником?

— Я скажу, что вы сбрендили.

— Так, а чем занимался клуб? Осталась ли какая-то информация?

— Ну, клуб был юношеский, там собирались парни и девушки и обсуждали книги, делились своим творчеством. Это было популярно в студенческой среде.

— А чем занимался конкретно этот клуб?

— Не знаю, не помню, таких клубов довольно много было раньше, теперь, как видите, их нет. — Это все?

— Ну может вы знаете еще что-то? Участников?

Она отошла в соседнюю комнату и раскрыла пыльный книжный каталог.

— только пообещайте, что больше никаких игр

Она надела очки и стала искать по страницам каталога зарегистрированные клубы.

— Так кажется нашла, вот.

— Можно мне забрать эту страницу?

— Ишь, еще чего, можно сфотографировать.

Я незамедлительно сделал снимок участников зарегистрированного в этой библиотеке клуба феникс за 94 год.

Моя удача, изображение с фамилиями сохранилось достаточно отчетливо, но подозрения что я ошибся не покидали меня. Слишком странным казалось событие, да и вообще все, что происходило последнее время. Найти этих людей оказалось непросто, да и информации такой могло просто на быть. По указанным адресам давно уже никто не жил, да и люди эти, возможно, разъехались кто куда.

На годовщину смерти Надежды я пришел вместе с Натальей. Ее семья накрыла в квартире скромный стол и застелила ее черной скатертью. На стол ее отец поставил ее любимые розы.

— Моя девочка любила цветы, — сказал он

За последний год он изрядно постарел и как оказалось стал сентиментальным. Вдыхая сигаретный дым с каждым разом на его глаза, накатывались слезы. Он смотрел в ночной город сквозь клубы дыма едкого табака, ее мать накрывала на стол и любезно спрашивала немногочисленных гостей о желании получить еще порцию пирога или салата. Я молча наблюдал за ее отцом и практически ничего не ел, только из вежливости выпил немного настойки, и почти не притронулся к еде. Ведь я уйду сегодня уеду, а эта семья соберет со стола, помоет посуду и тихо ляжет спать, прокручивая в голове тот злополучный день, когда не стало их самого родного человека в жизни. Любой из этой семьи отдал бы жизнь за нее, но судьба уготовила всем свой путь. Под конец вечера Наталья помогала Надиной матери собирать со стола, мы же остались с ее отцом на кухне.

— я завтра собираюсь съездить к Наденьке.

— Мы можем поехать с вами, — любезно предложил я.

— Спасибо, спасибо тебе за все, ты знаешь время не лечит, осталась лишь какая-то оболочка от всех нас, спасибо, что не забываешь ее. Красивая у тебя невеста, как думаешь, а она могла бы там, моя Наденька — он посмотрел вверх — найти там кого-нибудь?

— Думаю, если мы в это верим, это возможно.

Приехали мы домой к полуночи, Наталья заварила чай.

— Можно спросить кое-что?

Я сразу понял, что вопрос будет касаться Нади

— Ты рассказывал, что вы никогда не были близки, почему?

— Не знаю, честно. Мы были как друзья, но нечто большее, но без отношений. Я собираюсь завтра поехать к ней, с ее отцом. Думаю, я поеду один, останься с детьми, пока я не приеду.

— Хорошо, мы пойдем спать.

— Да, знаешь я, я … Я люблю тебя.

— И я тебя.

Утром мы созвонились с отцом Нади и поехали на моей машине на кладбище. Мы заехали в строительный магазин, купили краски, кисточки, щетки и небольшой букетик цветов. Возвращаться к ней было всегда радостно, словно к живому человеку, но приезжать к Наде мне нравилось одному, когда я мог спокойно сесть и поговорить с ней, делясь последними событиями в жизни, прося прощения за то, что, возможно, обидел ее или не понимал. Я рассказывал ей про детей, про Наташу, про то, как жизнь без нее словно сухая пресная колея без шанса на, то, что можно что-либо изменить.

Мы подошли к могиле и среди прочих цветов двухнедельной давности, подаренной ей мною же, стоял совсем свежий букет, украшенный красной атласной лентой с совершенно знакомым символом. Мы начали понемногу работать, ее отец достал термос с чаем поставил его на выступ оградки и принялся смешивать краску.

— Я хочу спросить у вас один вопрос, он не дает мне покоя.

— Спрашивай, — ответил ее отец.

— Вы никогда не состояли в писательский клубах или союзах?

— Нет, я ничего никогда не писал. А к чему вопрос?

— Некоторые обстоятельства кажутся мне странными...

— Какие?

— Незадолго до ее смерти я узнал, что она, кажется, состояла в одном писательском клубе, я нашел его и проблема в том, что его уже как давно нет. С 94 года, как такое могло быть?

— Не знаю, вроде она таким не занималась, давай, помоги мне развести краску.

Мы привели могилу в порядок, и я отвез ее отца домой, он заметно оживился, и мы по дороге вспоминали счастливые моменты из жизни Нади. Время было около обеда, мы заехали к ее отцу на чай. Он скорее теперь относился ко мне как к сыну. Понять причины его отношения было довольно трудно. Мы никогда не виделись, когда Надя была жива, но теперь все

изменилось. Я зашел к ним в квартиру, помыл руки и сходил в туалет, ее отец пошел ставить чайник. В ее комнате было чисто и светло, однако вещи лежали на своих местах. На подоконнике ее семья разместила много памятных вещей: фото, где она только родилась, школьные фотографии и большой альбом на четыре фотографии на каждой странице. Рука машинально потянулась к яркой обложке. Сев на диван, я стал его листать. Каждая фотография была датирована и подписана, обозначая то или иное событие.

— Не может быть — застыл я с этой мыслью облокотившись на диван.

— Чай готов, ты чего?

— Почему вы не говорили мне правду? Что это за фотография?

Я показал ему на фото, где Надя стоит в окружении еще трех человек, а позади них напечатанная на баннере висит вывеска союза «Феникс». Ее отец пошатнулся и поставил поднос с чашками чая на стол.

— Сегодня на кладбище, цветы, стоявшие у ее плиты, были подписаны союзом «Феникс», вы же все знаете, что скрываете от меня?

— Положи альбом и сядь, — ее отец говорил задумчиво и одновременно как приказание.

— Союз «Феникс» действительно существовал и существует, но не для всех и не всегда.

— Что за бред?

— Это не бред, есть вещи, которые сложно объяснить, а может и не нужно.

— Я просто хочу узнать и все, мне кажется, она хотела что-то сказать мне.

— Да, еще бы, сказать тебе, если бы ты знал, — он схватился за голову с скрестил пальцы на своих глазах — моя девочка, моя Наденька, все из-за тебя, ты во всем виноват, она расплатилась за это, а то что ты приходишь к нам в дом, то что я не выгоняю тебя, это она попросила меня.

— Простите, вы здоровы? Я, честное слово, беспокоюсь за вас...

— Да как ты вообще можешь беспокоиться, ты…

Входная дверь квартиры открылась, и мы оба поняли, что пришла ее мама.

— Уходи, просто уходи отсюда, и больше не приходи, оставь ее в покое!

Стало понятно, что сейчас добиться правды от него не выйдет и мне действительно лучше уйти. Я проскользнул сквозь дверь, даже не здороваясь с ее мамой. Этой ночью я не мог уснуть, чувство обиды сплелось во мне с чувством вины, правда, не понятно за что. Ее отец говорил искренне и, скорее всего, он не бредил.

Приоткрыв красные от недосыпа глаза, я увидел мутное изображение Наташи. Она нависла надо мной и крутила глазами из стороны в сторону.

В моем студенческом прошлом не было совершенно ничего примечательного, если не учитывать тот факт, что я практически ни с кем не общался. Мятые головы студентов, спящих на задних партах, голодная студенческая жизнь. Ни крошки хлеба в желудок, зато новая теорема или правило в голову. Я был голоден, и этот голод заставлял ощущать эту жизнь совершенно с иной стороны. Я ловил запахи с жуткой завистью тех, кто сейчас будет кушать, я ловил знания с завистью тех, кто уже знает то, что не знаю я. Я питался в основном раз в день, перед сном и чай по утрам. Во все остальное время это был свет, чистый свет, пробивающийся из окон аудиторий, легкий дневной свет входя в аудиторию, теплый лунный свет за полночь, когда я, выходя из института шел на ближайший автобус, там уже засыпая от усталости не давал мне вырубится прямо на месте только мой полуголодный обморок. Хлеб, сосиски и дешевый майонез казались таким вкусным блюдом, что мои руки дрожали, когда я поедал и. Земля уходила из-под ног, а точнее старый выцветший ламинат моей съемной комнатушки. Я закуривал сигарету, впервые за день с удовольствием, глотая дым из окна на сытый желудок. Но я никогда не жаловался, не для меня это, был я доволен и этим обшарпанным ламинатом, и этими сосисками, а главное учебой в институте. Прилежность была моим критерием, никогда

не смогу перестать натирать до блеска мои единственные черные ботинки они спасали меня и в жару, и в холод, возможно, прилежность это единственное, что есть у бедняка, но ощущение того, что в моей жизни не было ничего лишнего нравилась мне.

Да, ощущение свободы и голода не покидало меня, и, наверное, я ловил от этого своеобразный драйв, который подстегивал меня идти дальше, зарываться в своей беспомощности перед миром и оттого то заставляя меня жить. Предвкушение того, что непременно должно что-то произойти не покидало меня, оно еще больше подстегивало меня и наконец освещало мою тьму. Посреди моей комнаты была печка, точно такая же была и у нас в деревне, только больше. Необходимо было поддерживать в ней, чтобы зимой не околеть. С дровами проблем не было, напротив меня стояла многоэтажка, в которой было электричество, от этих теплых окон исходил свет. Он был сытый, вкусный, сладкий. Сладкая нега, в которой живут люди, у которых есть деньги, они не экономят, они не боятся, они не пачкают свои руки в саже, прочищая свою печь от нагара. Когда питаться было совсем нечем, я выходил на балкон и представлял как на эту многоэтажку огромный человек льет большую ложку нуги или шоколада, как в рекламе, и как мелкие человечки выставляют свои маленькие ложки, чтобы попробовать угощение. Только теплый аромат свежей ореховой нуги доносился до меня, еле-еле, словно благоухание рая так точно описанное в исламских хадисах. Ноги подкашивались, тело становилось хрупким, немощным, возможно, стоило упасть на колени, подбежать ближе и целовать сладкие стены грязных богатых домов.

Тщательно проверив свою рубашку на зацепы и нитки, я отглаживал ее, отглаживал брюки, обязательным ритуалом было зеркало. С самого утра мне было необходимо посмотреть в него с яростью, с вожделением к этому миру и пойти на свои занятия. Через пару лет я стал замечать, что страсть к математике стала угасать, при этом успехи в ней не переставали радовать моих преподавателей. Сердце маялось, а руки выдавали раз за разом верные результаты. Порой мне даже хотелось совершить ошибку и, вставая по требованию преподавателя, я все же продолжал говорить верные ответы раз за разом, будто компьютер. Моя семья, короткие хлесткие разговоры с отцом и с матерью, они гордились мной, и мне этого хватало. Вопрос лишь в том — была ли любовь в этой гордости, и могут ли они сочетаться. Теперь думаю, что нет. В нее ничего нельзя дополнить, ничего излить или подмешать. Я понял это только тогда, когда встретил Надю. Я, словно молния, промчался те шаги, которые разделяли нас до встречи с ней. Мне пришлось многое переосмыслить, в день встречи с ней.

Как сейчас помню, печка в моей комнате совершенно остыла, кулек с выпечкой и банка шпрот осталась нетронутой в тот вечер. Я лежал и совершенно не двигался, будто каждую мою мышцу натянули невидимые канаты и пригвоздили меня к кровати.

Это богохульно, ужасно богохульно, возможно, на короткий момент я испытал, то, что чувствовал Христос, прикованный к деревянному кресту, и мы понимали друг друга, понимали, он, пострадавший за грехи человечества и я за то, что позволил войти в мое сердце бездне, которая по большому счету и приведет меня к концу. Но как же этот конец был притягателен, подобно тому как ты заканчиваешь бесконечные пустые циклы о которых писал Кундера. Я был холоден, совершенно не чувствовал ног, словно в моей комнате было как в ледяной пустыне. Подобно спасителю мне было необходимо, чтобы кто-то снял меня с креста вытащил из этой постели, обогрел, отнесся с любовью. Умирая в холоде, я теперь жаждал жизни как никогда, лежал и молился всем богам, рассылал письма в небеса. Подстроить встречу помог Рэй Брэдбери, из ее сумки предательски торчал томик — «Вино из одуванчиков». Я зашел в книжный киоск, меня встретил волосатый небритый паренек с дредами, который был увлечен чтением манги.

— Здравствуйте — произнес я.

Поначалу он будто не слышал меня и продолжал пялиться в свой журнал.

— Мне нужен Рэй Брэдбери «Вино из одуванчиков».

Паренек посмотрел на меня, медленно встал и принес мне совершенно такую же книгу, какая была у Нади.

— Двести сорок пять, наличными или картой — его слова заставили мой желудок немного всколыхнуться неприятным бурлением, он просто догадывался, что сегодня ужинать я явно не стану.

Уже дома, приоткрыв новую книгу, я вдохнул аромат свежих страниц, бегло перелистнул и открыл в начале. Глаза стали понемногу закрываться. Я почувствовал легкую анестезию, будто успокаивающий предоперационный укол, мне было приятно, мне было легко. Осознание того, что Надя возможно испытывает, те же самые чувства, что и я сейчас подстегивали меня, но совершенно не распаляли. Если математика заставляла найти результат, хоть и была интересна, книга меня совершенно ничего не заставляла. Я крутился на своем диванчике, меня дергало из стороны в сторону, во мне еще бился дух рыцарский дух, который заставлял искать ответы, но вот рассказик заканчивается и начинается другой, так странно, больше с меня не требовали решения, не смотрели на результат.

Закончив читать, я решил смастерить книжную полку, у меня ничего не вышло. Но я твердо решил, что Брэдбери станет символом, первым символом нашей встречи. Я заговорил, с ней о Брэдбери, она улыбнулась. Оказывается, она даже не начинала ее читать, ей отдала книгу подруга, и Брэдбери просто так болтался у нее в сумочке. Будто сверкающий маячок, на который я ее поймал в этом потоке аудиторий и бесконечных толп студентов. Она то и дело поправляла волосы, мне это безумно нравилось, смущалась, практически улыбка не сходила с ее губ. Я наклонялся совершенно инстинктивно, будто хочу ее поцеловать, мне нравилось, что она ниже меня на целую голову. Мы прогулялись, и много молчали, она была в коричневом пальто и красивых сапогах, мы соблюдали дистанцию. Отходили друг от друга и снова приближались, меж нами был ветер, воздух института, холодные стены кафедры. В ту пору, мне выпали только три карты: на одной из них голод, на второй книги, на третьей она. Две радости и одно горе. Совершенно ни в чем не разбираясь, я стал рассказывать, иногда придумывать сюжеты книг зная только их короткое описание, прочитывал я их уже после того, как рассказывал ей, моим приятным удивлением было то, что я мог довольно точно угадывать как ход сюжета, так и его конец. Единственный сюжет, который давался мне с трудом был наш собственный, загадочный и пока еще довольно зыбкий. Дико было показывать ей мое жилище, но она, напротив, с большим интересом стала обходить мою комнату, я наблюдал за ней. Она была подобна жар птице, попавшей в мерзкое логово разбойника.

— А где ты занимаешься? За этим столом? — спросила она, повернувшись ко мне сидящему на диване.

— Да, здесь — ответил я.

Она провела рукой по краю стола, опустила руки и стала развязывать свой пояс на пальто. Попросила носки, я отдал ей те, которые мне связала мама, они были очень пушистые и немного нелепо смотрелись на ее ножке в тонких колготках.

— Я заварю чаю, — сказала она и отошла в уголок, чтобы достать чайник

— Аккуратно, там с проводами немного…

— Я разберусь — строго сказала она и сделала то, что хотела. Она не была из богатой семьи, ее отец некогда был известный геолог, затем произошла какая-то темная история, из-за которой Надя не слишком любила говорить о своем отце.

— Расскажи что-нибудь — она села рядом со мной и положила голову мне на плечо, на ней было вязанное синее платье, я остался сидеть не шелохнувшись.

— Мне нравится, когда ты рассказываешь, что-нибудь мне, о книгах, например, только вот у тебя на полке почти их нет.

— Я все придумал, многие я не читал, а некоторые брал в библиотеке, прости

— Прощаю, ты хорошо, значит, придумываешь, а в чем ты мне еще врал?

— Знаю только в чем не врал тебе — я не смотрел на нее, мой взгляд был устремлен в печку с догорающими поленьями.

— И в чем же? — спросила она.

— Когда говорил, что люблю тебя.

Было холодно, мои руки дрожали от мороза на остановке. Но страх замерзнуть отходил на второй план, когда я представлял ту, кого я ожидаю.

— Зайди куда-нибудь погреться, я немного задержусь

Я зашел в кофейню напротив остановки, к горлу подступил комок, а в желудке разразились приятные вибрации. Я смотрел вокруг себя, все обыденное стало интересным: за маленьким столиком напротив сидела бабушка с внуком и смотрела как тот ловко уплетает блинчики с джемом и рассказывает ей про какого-то робота, молодые парни и девушки с разноцветными волосами, уткнувшись в телефон, что-то громко обсуждают, будто пытаются привлечь к себе внимание, запах вкусной выпечки и кофе, любовь бабушки к внуку и даже молодежь со своими странным видом кажутся прекрасными. Хотелось забежать туда, где меня никто не видит и зарыдать от радости. Да, да сейчас я увижу ее, она идет только ко мне и ни к кому больше. Она потратит время на меня.

Любовь будто заражает все собой, каждое мгновенье становится счастливым, пропадает зависть, пропадает раздражение. Если бы в тот день меня застрелил незнакомец, я бы не расстроился он показался бы мне ангелом, просто невозможно было испытывать к кому-то зла. В жизни не много особенных дней, не насчитаю и трех за всю жизнь, но тот им определенно являлся. Когда мы шли с ней до ресторана она взяла меня под руку. Не хочу, просто не могу описать этого, слишком хорошо, чтобы быть реальным. Я был одет очень легко, но не замерзал, а когда она прижалась ко мне — внутри все могло расплавиться. Вот бы идти так всю жизнь, хоть бы дорога до этого ресторана никогда не заканчивалась.

Она кушала очень аккуратно и насаживала блюдо на вилку только тогда, когда это делал я. Мы почти ничего не съели, я был очень голоден так как не ел нормально уже дня три, а ей просто было стыдно съесть больше меня. Она пару раз выходила в туалет я же не отрывал от нее глаз ни на секунду. Некоторые люди для нас вся жизнь, мы же для них просто пару слов в записной книжке в телефоне, мимолетное воспоминание со школьной скамьи, рука, положенная на талию на школьной дискотеке в восьмом классе.

После свидания не хотелось идти домой, не хотелось ждать, пока она доедет до дома, хотелось кричать, позвонить на русское радио, оставить письмо Деду Морозу с единственным пожеланием — пусть она будет со мной, Господи. Даже за надежду на это не жалко положить жизнь! Но этот день прошел, он бросил меня всем остальным дням, которые словно капли были похожи один на другой. Тысячи дней нужны для того, чтобы случился один, по-другому не бывает. И мы остаемся в тишине на растерзание этой гнетущей реальности.

Бывает так, что поиск того, чего нет даже гораздо более притягателен чем поиск реального, если результата не будет, то сам поиск это он и есть. Тот, кто не любит будет искать, он будет смотреть, он не будет видеть, но будет искать. Он и сам-то не понимает, чего ищет, а уже готов отправиться в любую точку, смотреть в микроскоп или с помощью мощных телескопов смотреть на самые дальние звезды. Но в каждом этом поступке есть хотя бы надежда на результат, в моем поиске было мало надежды, и я склонялся под тяжестью нелюбимых дней. В этих часах и днях мы будто ведем отсчет.

— Вот, смотри, я прожил с ней еще час, может я уже заслужил, то, чтобы полюбить?

К сожалению, попытка открыть любовь к нелюбимому человеку еще более абсурдная вещь, чем искать то, чего нет. Он надел рыцарские доспехи, но его так и не взяли в поход — вот более подробное чувство, которое я переживал в те дни. Маленькое, словно укус комара.

Этот укольчик уже и есть доказательство ошибки, а ошибка в любви всегда смерть, просто она растянута. Мы можем растянуть ее в детях, праздниках, поездках, удовольствиях, но неизменно прилетит он — маленький комарик и, в момент семейного фото спустя двадцать лет, незаметно укусит тебя и улетит. Не навсегда, потом вернется как предупреждение, как назидание. Признать ошибку так страшно, словно отречься от своего же я, все, что говорил ей, говорил друзьям, говорил родителям — ложь, и оказывается она продолжалась годами, и ты, который был — ты теперь не ты вовсе. Странная эта вещь. Если только начать думать, становиться страшно. Любовь не допускает амбивалентности, она такая какая есть, а если ее нет — первое дело — признаться самому себе.

Я приехал домой к вечеру, Наталья лежала, отвернувшись к стенке, но не спала. Я положил сумку на подоконник и встал возле окна. Она молчала, держа в руках свой телефон и даже не закрывала глаза делая вид, что спит. Мы молчали, и от этого молчания становилось жутко на душе. Она догадывалась, что меня беспокоят некоторые вещи, но понять какие была не в силах.

— Мне нужно будет уехать на пару дней

— Хорошо

— И ты не спросишь куда?

— Скажи честно, зачем все это? Ты постоянно что-то ищешь, куда-то пропадаешь. Я знаю вы с ней были близки, но я тоже существую.

— О чем ты, любимая?

— Да все о том же. Ты постоянно рассказываешь о ней, ты не можешь забыть ее. Но я тоже человек, я женщина. У нас все разваливается, ты это видишь?

— Все не так, точнее сказать, я могу все объяснить.

— Я следила за тобой, мне плевать, что ты подумаешь. Ты ездишь по каким-то адресам, с кем-то разговариваешь. А с нашими детьми нет. Я, может, тоже хочу ребенка, ты думал об этом?

— Я думал, я тоже хочу нашего ребенка.

— Дети стояли в гостиной, и я со спальни чувствовал как они стоят и слушают нас. От этого было противно и более противно от того, что Наташа была права.

— Зачем все эти странные поиски? Какой-то Феникс? Что нам нельзя жить нормальной семьей?

— Мы, послушай, мы и так нормальная семья, я просто должен закончить одно дело, вот и все.

— Да нет никакого дела, ты придумал все это, есть я, есть наши дети, а того, о чем ты говоришь не существует.

Ее слова задели меня. Это было не похоже на обычные ругани, все шло к тому, что она могла что-то знать.

— Не понял, то есть как не существует? Ты что-то знаешь?

— Да что тут можно знать? Она просто погибла, мне жаль ее, но на этом все.

— Почему-то ты слишком уверенно заявила о том, что ничего не существует?

— Ты бредишь, просто бредишь. Я не хочу больше с тобой разговаривать.

Она вышла из спальни и пошла в другую комнату. Я сжал ладонь в кулак и стукнул по столу, просто не мог сдержать себя. Я стал слышать еле доносившиеся звуки женского плача. Мне нужно было подойти к ней, просто необходимо и приобнять ее, но я этого не сделал. Все на что меня хватило — это стоять как вкопанный в землю и глотать ее слезы сквозь стену. Встав на колени, я уткнулся головой в подушку, на которой она лежала и вдыхал ее аромат. Уже приняв решение в себе, мне просто нужно было запомнить, как она пахла.

— Прости, прости все то, что могло выходить из меня в ту минуту...

Можно ли сделать правильно, или любое действие приведет к ошибке я не знал. Но, что-то изменить мне было необходимо. Я застрял в этой колее, из которой не было выхода.

До того как поступить в университет, я попрощался со своим городом. Сделать это было не сложно — покупаешь билет и вот ты уже под другим небом. Гораздо сложнее было закрыть в долгий ящик воспоминания.

Те места, в которые мы хотим вернуться, это не места — это люди, которые связанны с тем или иным местом. Мы оставляем там частичку себя. Последний раз я видел его в холодном марте, он провожал меня в неизвестность оставляя за собой разбитые мечты, этот город он был создан для того, чтобы я вспоминал о ней и больше не для чего.

Уже поздно ночью я собирал спортивную сумку, она молча сидела в другой комнате, дети спали. На листе бумаги я оставил ей записку и свою кредитку.

— Куда ты едешь?

— В другой город, ненадолго, я приеду через пару дней, так нужно.

— Я боюсь, пожалуйста, не уезжай, — ее ладони прикрывали глаза полные слез, тонкие колени согнулись и все ее тело упало на пол нашей гостиной.

Мне было больно смотреть на нее, я поступал как последний негодяй, бросая ее сейчас, какое-то странное чувство, что должно произойти нечто, что изменит все, поставит все точки и окончательно развеет сомнения. В город, из которого я уехал много лет назад я возвращался ночью, как преступник, словно сбежавший из тюрьмы заключенный, жаждущий ощутить заветный глоток свободы.

В ночном путешествии есть своя аура, оно не похоже на утреннюю дорогу до дачи или работы. Сон мгновенно попадает, поджилки трясутся от неизведанного приключения, что тебя ждут, а в животе играет приятная дрожь. До города было несколько часов по трассе и еще час по обычной, телефон подключился к магнитоле, и хорошая музыка погнала меня вперед. Точно, Надя бы хотела, чтобы я это сделал, нельзя всю жизнь жить ностальгией, стоит попытаться рискнуть и отыскать ту самую, кого я оставил в том месте. Дорога была легкой, я не смог бы уснуть даже если бы в моей машине играла колыбельная. Первая вывеска, показывающая дорогу до моего города, находилась как раз возле придорожного кафе, куда я заехал немного перекусить. Работница автозаправочной станции любезно предложила мне хот дог и горячий кофе.

— Направляетесь в город Н.?

— Да.

— С вами все в порядке, вы какой-то очень волнительный.

— Нет, все в порядке.

— Она готовила хот дог на гриле и выставила мне счет за кофе и хот дог.

— должно быть вы спешите к девушке, купите ей цветов в нашем магазине.

— Простите, но я не уверен, что все так, мы очень давно не виделись.

— Она вас не ждёт?

— Я не знаю, возможно она и не помнит обо мне.

— Хорошо, оплата прошла, счастливого пути.

Я немного посидел в машине и продолжил дорогу, до города Н. оставалось не более двух часов.

С первыми лучами, встречающими меня из-за горизонта, приоткрыв водительское стекло, я ощутил давно забытый речной воздух. Глаза все же стали слипаться под утро, но я разбил это желание двумя чашками черного кофе. Полицейская патрульная машина, как и крупная вывеска «Вы въезжаете в город Н.», остались позади. Ностальгия мгновенно, как лекарство, стала попадать в мою кровеносную систему, в голове стали всплывать старые воспоминания, от которых жгло приятным огнем. Город потихоньку просыпался, плавная,

неспешная жизнь провинциального города понемногу начинала набирать обороты рабочего дня. Вокруг мне стали мерещатся призраки, подобно тому как описывал в своей книге Орхан Памук в романе «Музей невинности». В этой книге главный герой искал призраков Фюсун — своей возлюбленной, я же искал призраки своей. Вроде бы вот она завернула за угол и вошла с продуктовый или вот она стоит на остановке, держа бумажный пакет со свежей выпечкой.

На лице в такие моменты появляется улыбка, но не до ушей, а легкая, боящаяся спугнуть момент наслаждения. Мне совершенно негде было остановиться, я стал подыскивать недорогое жилье в районе, в котором жил. Небольшая квартирка с видом на мою школу нашлась практически сразу по приезде в город. Хозяйка квартиры, убедившись, что я не представляю опасности, передала мне ключи после получения наличных, ее смутило лишь то, как быстро я согласился на этот вариант недвижимости. Дождавшись утра, я решил не спешно прогуляться по городу, впервые за много лет, а может и в жизни. Напротив дороги, как и прежде пекли хлеб, невзрачный, без добавок, лежащий на старых деревянных лотках. Что называется, без современных прикрас. Положив буханку в пакет, я оторвал кусочек горячей выпечки и положил ее в рот. Теплое солнце упорно обволакивало мой город и лужи вчерашнего дождя поблескивали серебряным светом. В особо жаркие дни лета здесь бывало и жгучее пекло, заставляя прятаться людей в такой зной в бетонных коробках своих квартир или попросту на работе под кондиционером. Здесь легче и чище думается о ней, словно голова очистилась от ненужного, чтобы полностью посвятить себя главному.

Мимо проскочил ужасно грязный трамвай. Она ездила на таком. Встретив утро своей девичей молодости, она садилась в этот грязный металлический короб и отправлялась по делам. Сейчас должно быть она, конечно, стала взрослой женщиной, ее мысли упорядочились, обыкновенная девичья прилежность переросла в шарм, а сердце ее, возможно, до сих пор открыто. К концу улицы от буханки осталась лишь половина, мне приятно было попробовать ностальгию на вкус, почувствовать аромат свежего хлеба и неухоженной улицы теплого города. Современные, напыщенные дороговизной здания в центре стали сдвигать скромные постройки моей юности. Теперь все стало быстро и пресно, а раньше несбыточная мечта была просто мечтой. Звонить во все колокола было страшно, мне хотелось сначала пройтись легкой рукой по своим воспоминаниям, будто музыкант проходит по струнам дорогой скрипки.

В школе все зародилось, будто в утробе. Для меня я и она были избранными. Когда мы заклеивали стекла на зиму, когда бегали по длинным коридорам, вестибюлю. В старших классах мальчики могли выбежать покурить на перемене, а девочки могли пойти в женский туалет навести красоту. Здание школы, в которой мы вместе учились почти не изменилось, лишь вход сюда стал более строгим.

— Здравствуйте, — произнес я охраннику.

— Добрый день, вы к кому?

— Знаете, я учился здесь, могу я поговорить с учительницей ….

— Ну не знаю, сейчас уроки, поэтому не знаю.

— Прошу Вас, а как мне можно было бы пройти сюда?

— Никак.

Мы спорили около десяти минут, пока наконец-то она сама, …., не прошла мимо. Мой бывший классный руководитель заулыбалась и поспешила мне на встречу. Охранник тотчас же нажал на кнопку, и я смог пройти внутрь. Мы обнялись и решили побеседовать немного у нее в классе. Коридоры школы теперь стали совсем не шумными, дети в основном стояли у стен, уткнувшись в свои телефоны. Старшие классы как по мне стали более деловыми, и только самые младшие по-прежнему нарочито бегали сломя голову из класса в класс. Проходя мимо, я старался вспомнить каждую мелочь, и сознание словно роза расцветало от пережитых воспоминаний. Она по-прежнему по-царски сидела на своем месте учителя, я, как и полагается, сел напротив.

— Ну, что, рассказывай. Как живешь?

— Все хорошо, семья у меня, работа, как вы?

— Ой, и говорить не о чем, раньше хоть дети другие были, какие-то сознательные, а теперь вообще с ними сладу нет.

— Ну, уж не все прям так плохо-то?

— В целом нормально, что еще скажешь? Ты в отпуске?

— Да, вот решил посетить родные края.

— Хорошо же, что помнишь нас, я всегда рада вас видеть!

— А можно спросить?

— Да, конечно.

— Вы же помните весь наш класс?

— Да, всех помню, вы мой любимый класс были!

— Мне всегда нравилась одна девочка...

— Да? И какая же? Может я что знаю о ней?

— Да, Настя Николаева.

— Какая Настя? Николаева? Что-то не вспомню...

— Ну помните светленькая, она почти всегда сидела за первой партой.

— Нет, я бы вспомнила, может она была в другом классе?

Если бы именитый режиссер снимал обо мне фильм, то в этот самый момент необходимо бы было использовать черно-белый фильтр или вообще убрать все красивое и жизненное из кадра. То, что я сейчас услышал стало самым страшным из всего, что было на моем пути. Учительница …. не любила подобные шутки, как тогда, так и сейчас, она была предельно серьезна со мной.

— Так, рада была поговорить, но у меня урок, давай наверно после уроков поговорим?

— Эм, да, хорошо...

Я вышел из здания и решил обойти его с другой стороны. Когда в юности мы ребятами выходили сюда курить, здесь ничего не изменилось с того самого времени — грязные обрезанные коряги, примыкающие обшарпанные гаражи, в общем маленькое гетто у хорошей школы. Мне очень захотелось закурить, я бы, наверно, так и сделал будь у меня сигареты. Моя рука произвольно зажала два пальца вместе и поднесла к лицу, потом сразу опустила. Возможно, подумал я моя учительница …. просто плохо себя чувствовала или же у нее серьезные проблемы с памятью, всегда есть источники, которые точно могли подтвердить, что учительница просто ошиблась.

Она жила недалеко от школы, нужно было немного пройти по улице, два раза завернуть и пройти по трамвайным путям. Чувство тревоги не отпускало меня теперь ни на секунду, но поверить тому, что было в школе очень трудно. Я прибавил шаг. Мне пришлось дождаться, пока кто-то выйдет из пятиэтажки, чтобы попасть внутрь ее дома. В подъезде было холодно и темно, лишь слабая полоска света от закрывающегося лифта помогала мне не упасть на ступеньки. С каждым шагом в темном помещении я слышал, как мое сердце стучит все громче и громче.

Дверь ее квартиры была обита деревянными панельками, звонок представлял собой маленькую черную кнопку вбитую прямо в стену. Моя грудь стала приподниматься так, что перехватывала дыхание, пять секунд и заветный звонок прозвучал, послышались шаркающие звуки подходящего человека к входной двери. На пороге стояла молодая красивая женщина с модным каре и, увидев меня, оставила за мной право первому объяснить причину моего звонка. Вне всякого сомнения, хоть я видел ее и немного раз, но узнал бы ее силуэт издалека. Ее мама была чем-то похожа на нее, такая же прекрасная фигура, чувство стиля определено она позаимствовала у своей мамы. Восхищение этим человеком было во мне сразу еще даже

прежде, чем мы познакомились, когда просто встретились глазами, еще тогда в детстве мне хотелось все рассказать и ее маме тоже пусть и наивными детскими словами.

— Да, вы что-то хотели?

— Это я …. Извините за беспокойство, а Настя дома?

— Извините вы, наверное, ошиблись квартирой, здесь такая не живет.

— Простите, вы Екатерина Сергеевна?

— Да.

— Ваша дочь, Анастасия Николаева?

— Молодой человек, у меня нет дочери.

Теперь все мои сомнения отпали разом, я безумен. И чем больше шло время, тем сильнее я упражнялся в своем безумии, пока не пришло время осознать это. Стоя у входной двери женщины, у которой нет дочери, но которую я люблю больше жизни. Стоило добраться сюда, чтобы понять это. Можно было тронуться умом и дома, прямо в постели, главное не за рулем подумал я, ведь так можно и убить кого-нибудь.

— Я прошу вас, я вам все расскажу, если позволите, уделите мне буквально 15 минут.

На мое удивление женщина, которую я считал матерью моей сокровенной любви, а ныне просто незнакомкой, открыла мне дверь и впустила меня. Мне буквально не терпелось начать свой рассказ, не упуская ни единой детали. Екатерина Сергеевна совершенно спокойно выслушала все, что я рассказал ей, у меня было ощущение, что на каждом слове она остановит меня и выбросит из квартиры. Параллельно я понимал каким идиотом я кажусь, рассказывая человеку, который меня видит впервые, что мы знакомы много лет. Ну, а что мне оставалось, если ты безумен, то просто обязан поделиться этим с миром. По ее реакции на мои слова я по крайней мере заметил, что ей было не скучно, это самое большее, что можно было требовать сейчас, но, как оказалось, все далеко не так.

— Вы знаете, ваш рассказ, конечно, поразителен и интересен, я очень торопилась сейчас в одно место, но, пожалуй, я задержусь.

Она заварила нам вкуснейший чай и, постоянно держа ключи в руке еще сомневаясь между своим рассказом и своим походом по делам, выбрала первое, положила их на стол. Екатерина Сергеевна будто прокручивала в голове что-то непонятное и захватывающее порой не сдерживая улыбку. Она то поднимала, то опускала глаза на меня проверяя правдивость моей истории, в которую как мне кажется она даже поверила,

— Сейчас я задумалась немного больше над тем, что вы мне рассказали и признаться ваша история впечатлила меня. Не тем как вы подробно все могли придумать, а над совсем другим.

— Прошу, расскажите — я смотрел на нее не отрываясь.

— Я замужем, и в этом уж поверьте нет никакого сомнения, но детей у нас с мужем нет. Но вот в моей жизни был один мужчина, совсем давно, с которым мы были очень близки. Однажды мы отдыхали у реки, и, простите за такие подробности, он обнимал меня в воде, прямо на закате, он сказал, что, когда у нас родится дочка мы назовем ее Настя. И самое удивительное, что, если бы все случилось, она бы как раз могла бы быть ею, судя по вашему и ее возрасту. Жаль, возможно, что так не получилось, а, возможно, и хорошо.

Мне стало неловко от того, что я заставил переживать о таком интимном моменте человека, которого по всей видимости я вижу впервые.

— Прошу прощения за мою наглость и все что я сказал.

— Нет, нет, все в порядке, вы так интересно рассказывали, что можно в это поверить.

— Только честно, скажите, вы верите мне?

— Совпадения, конечно, интересная штука, но вот здравый смысл, пожалуй, над ними возобладает.

— Я вас понимаю, и все что я вам рассказал для меня тоже правда.

По-видимому, не отрицаю этого, но как видите помочь вам ничем не могу.

Ее признание теперь стало последней каплей, девочка, которую я люблю не существовала. В нашей беседе произошло, что то, что притягивало теперь нас обоих. Из моей души извлекли надежду, из нее маленькую ностальгию.

Дойдя до минимаркета, я все-таки купил сигарет. Вдыхая дым и делая затяжку мне хотелось закрыть глаза и не открывать их больше. У входа в минимаркет снова стоял мальчик с синими волосами и раздавал газеты.

— Что написано в твоей газете?

— Ничего, просто газета.

— Ну, а заголовок какой?

Мальчик с недоумением смотрел на меня и в доказательство протянул мне газету.

— Прочитайте сами.

ГЛАВА 4. ПОД КРЫЛЬЯМИ ФЕНИКСА

Когда вчера он написал мне, хотелось взвизгнуть от счастья, но рядом лежали подруги и пришлось лишь сглотнуть воздух, снова и снова смотреть на его сообщение и не верить в свое счастье. Я перевернулась на живот и, будто украдкой, то и дело открывала и закрывала эти заветные строки от него.

— Девочки, он написал мне!

Молодую девушку тут же облепили сожительницы по комнате: посмотреть на молодого человека, приславшего то самое сообщение.

— Ну, ниче такой!

— Ох, наша Надя, похоже, втюрилась!

У меня совершенно не было денег, последние ушли на пирожное в столовой и стакан кофе. Как же удачно он написал мне, теперь аппетита у меня совсем не будет, но он мне и ни к чему. Джинсы-скинни, белая блузка, а, да, и вот еще у Катьки как раз есть хорошие духи, обязательно надо побрызгаться.

По дороге в университет я одаривала всех такой загадочной улыбкой и даже побоялась поднимать на него глаза. В вестибюле университета стоял он. Боже, как же хочется его взгляд сейчас, но сама я ни за что не посмотрю. С виду казалось все очень глупо, я поздоровалась со всеми, кто проходил мимо, даже с теми, кого я не знаю. Лишь только его я совершенно игнорировала, пока он сам ко мне не подошел. Исподлобья невинно подняла на него глаза прижимая к себе сумку с конспектами, он, расправив плечи, вел себя уверенно, что еще более подчеркивало его привлекательность. Внутри все горело от его присутствия, сладкое томление в животе смешивалось с простым человеческим голодом образуя слегка неприятные вибрации. Машинально я то и дело поправляла волосы изредка приподнимая на него свой взгляд. Совершенно ничего из того, что он говорил я не запомнила, все, что я могла в тот день — стоять, сделав ноги вместе, и улыбаться, как дурочка, когда он вставлял в речь свои шутки.

Вот зачем? Зачем? Я сказала ему, что спешу. Никуда я не спешила. Если бы он взял меня за руку спешить бы уж точно было бы некуда, сердце мое просто бы ушло в пятки. Мы разошлись с ним на том, что сегодня мы проведем вечер в каком-то литературном клубе. И надо же было ляпнуть ему, что, мол, я подумаю. В тот миг, как он это сказал, я в подробностях представила нашу встречу, наш первый поцелуй и его мужественную руку, в которой утопает моя ладонь. Я отошла от него, мои глаза расширились и мне пришлось резко остановиться, чтобы не врезаться в стену.

Эти часы тянулись очень долго, за окном яркое солнце пробивало потускневшие шторы в аудитории и никак не хотело садиться за горизонт. Плавный неспешный день никак не хотел уступать свои права ночи и только тихий треск настенных часов с каждой секундой прибли-

жал меня к нему. Он любил читать и мог совершенно спокойно цитировать классиков литературы. Наше первое свидание было как раз здесь в маленьком кафетерии напротив университета. После занятий я ждала свой автобус и отпустила своих подруг погулять в компании с другим потоком, как меня не звали, но идти в тот день мне совершенно никуда не хотелось, покапал мелкий дождик и мне пришлось спешно укрываться под козырек своей остановки. На следующий день он подсел ко мне и спросил о книге, лежавшей в моей сумочке. Он выглядел смущенно, но держался вполне достойно. Сразу заговорил о Рэе Брэдбери, чем вызвал мою симпатию, хоть я совершенно ничего не понимала в американской прозе.

— Вы действительно его читали? Я, если честно, взяла почитать ее у подруги, но руки никак не доходят.

Тут я впервые посмотрела на него поправляя свою сумку на плече.

— Вы учитесь на...?

— Детского психолога, — ответила я. — А вы?

— На физмате.

Его глаза излучали невообразимое тепло, в тот промозглый день все поведение моего тела говорило о том, что мне холодно и его компания мне сейчас очень по нраву.

— Простите, вы не хотите кушать?

— Нет, спасибо.

Хотя если честно, с самого утра ничего не ела и запах из кафе напротив предательски зазывал меня к себе. Он помолчал с минуту и все же решил действовать.

— Я приглашаю вас на кофе или чай, что вы больше всего любите, хотя я люблю чай.

— Я люблю и чай, и кофе.

— Значит мы не ошибемся.

Когда мы были вместе время летело, словно молния, он рассказал мне о красоте, о тонких материях, которыми было окутано все вокруг. Орхан Памук, Эльчин Сафарли, Уильям Йейтс, казалось он знает их всех. Он рассказывал о их произведениях и о них так, самих будто они только вчера сидели в беседке на берегу моря и обсуждали, как он будет рассказывать обо всем этом мне. Если он был сектой, то я вступила в нее, не раздумывая и отдала всю себя.

В этом красочном параде рассказов можно было утонуть и ничего не отрезвляло меня, когда я была с ним. По вечерам, когда он уже довел меня до дома я закрывала за ним дверь, тут же присаживалась на колени и плакала. Мне было так хорошо плакать о том, что он есть у меня. Чистые девичьи слезы без капли сожаления или сомнений. Когда мы виделись, казалось, я знаю его уже хорошо, но он снова мог удивить меня еще одной стороной своей души.

Он жил в небольшой комнатке, как и я и почти сводил концы с концами. В ту студенческую пору у нас были только мы и его рассказы. Воображение чистое как море, ничто его не остановит. Мы предавались рассказам на кухне, мы курили друг напротив друга на балконе и наши рассказы порой заканчивались страстным поцелуем и жарким сексом. Это произошло примерно через месяц после знакомства, он пришел ко мне и тихо закрыл за собой дверь, повесил куртку, и я машинально прижалась к стене, когда он подошел. Легкие прикосновения его пальцев то и дело переходили в грубые движения его рук. Мы отходили от занятий любовью очень долго, несколько часов в обнимку и нежных поцелуев. Старый разобранный диван, маленький столик напротив, на котором стояло два бокала с водой или лимонадом. Иногда мы могли позволить себе недорогое вино и фрукты. Я всегда старалась приукрасить наш быт, хоть и назвать его таковым можно было с большой натяжкой. Однажды мы даже заварили остатки кофе прямо в банке и разлили его поровну по нашим стаканам. Время не дискретно, когда ты влюбился, мы так и не поняли, как стали жить вместе. Он начал порываться работать, что-то мужское сыграло в нем, но он ничего не умел. Мы были счастливы, когда стали покупать пусть и недорогие вещи, зато для нашей комнаты. Георгий комплексовал по нашему недостатку денег. Когда я пыталась его подбодрить он все понимал и ему становилось еще более стыдно. Он стал

подрабатывать, исчезать, я ругала его за то, что он практически ничего не рассказывает о своей новой работе. Лишь руки, когда он обнимал меня, становились совершенно другими, такими же ласковыми, но шероховатости кожи по моему телу стали все более заметнее, он уставал. Я примерно догадывалась, что он подрабатывает грузчиком или каким-либо носильщиком, теперь он все реже брал меня на руки и, приходя с работы, ложился на диван и частенько засыпал. Я только и делала, что ложилась рядом, будто котенок, чтобы его не разбудить. Через тяжесть дня, он все же протягивал мне свою улыбку, его глаза, все так же блестели, я бы и вовсе отказалась от всего того, что он покупал мне лишь бы быть ближе к нему, чтобы он был радостный и бодрый как раньше. Мы были слепы, мы были слабы, мы были иррациональны, мы были блаженны. Я бы не хотела занимать так много места в его судьбе если бы не влюбилась, пусть бы и занимался тем, что ему нравится. Так быстро, словно молния его интересы стали перетекать в мою голову, будто ручейки, можно было бесконечно слушать его. Единственное, что мне не поддавалось, но тоже было не менее завораживающим — это некая глубина. Его глубина. Было еще нечто, что я попросту не понимала, некая серьезность приходила к нему и я замирала, да именно ощущение этой непонятной глубины и сосредоточенности мне очень нравилось в нем. Мечтатель. У меня не было шансов. Про существование некого клуба, где молодые писатели делятся своими работами, да и вообще о существовании таких клубов, я узнала от него. Это было в новинку. Мне казалось, что молодые вообще таким не занимаются, только смотрят фильмы и сериалы. Но он в некотором смысле презирал фильмы и разговоры о них.

После долгого перерыва он все же решил снова туда ходить, я была рада за него, некая гордость проступала за него, когда я погладила ему единственную рубашку и брюки, он почистил свои туфли и захотел поехать в литературный клуб «Феникс» именно на такси. Я надела кожаную юбку и голубой свитер. Мы сидели на заднем сиденье такси и держались за руки, он смотрел в окно и второй рукой подглаживал мою ладонь. Клуб «Феникс» мало чем походил на клуб в своем начале, просто группа людей создала в интернете сообщество и решила обсуждать популярные романы и современную прозу. Все началось, когда группа людей во главе с Георгием решили арендовать у библиотеки небольшое старое помещение. Там они установили парты, стулья, доску и другие атрибуты собраний по интересам. Каждый день полагалось обсуждать литературное произведение или же популярного автора. Каждый из слушателей готовил доклад, а после все могли выпить чаю и поговорить на свободные темы. По праздникам устраивались небольшие посиделки с алкоголем, бывали и танцы. Я видела, как горели его глаза, когда он выходил на импровизированную сцену и зачитывал свою рецензию или свои стихи. По вечерам многие молодые авторы так делали и все вокруг с удовольствием слушали окружающих. По вечерам можно было курить прям, не выходя на улицу, иногда такие посиделки могли продолжаться и до утра.

Держа меня за руку, он провел меня через холл и основное помещение библиотеки. На сцене выступал молодой автор и присутствующие в зале обернулись, когда мы вошли, но не подали виду. Когда речь закончилась, все тут же стали приветствовать Георгия и меня и спрашивать о нашей жизни. Глоток чистого воздуха, он задышал. Мне было страшно представить, что такой красивый мужчина в костюме, сейчас окруженный своими коллегами и учениками, завтра наденет униформу продавца в магазине. В его взгляде сквозь толпу окруживших его людей были слова: «Спасибо, спасибо что вытащила меня сюда». Через час мне захотелось уехать домой, но оставить его здесь все равно, что предать. Мой мужчина должен сегодня блистать, и я не имею право его покинуть. Молодые девушки косо поглядывали на меня и то и дело пытались кокетничать с ним. Я видела это, но никогда не ревновала, хотя в душе испытывала жгучее пламя, прожигающее сердце. Они были молоды и красивы, наивны и глупы, при желании он мог бы соблазнить каждую из них легкой, ненавязчивой беседой и положить в свою постель. В такие моменты я разрешала ему побыть нарциссом, дать собой полюбоваться,

словно золотой вазой на витрине магазина. Когда вечер закончился и мы остались наедине он взял мою руку и поцеловал ее в запястье — любимое место, как он говорил, на моем теле. Он-то целовал его, то прикладывался лбом к нему. Я таяла от счастья. Георгий трепетно относился ко всему, что было связано со мной и жаждал моего внимания и мнения по любому вопросу. В его сердце конечно на первом месте была литература, без нее он просто не мог существовать, и когда я дала ему понять, что он должен заниматься любимым делом, он расцвел. На следующий день он уволился со своей работы и полностью посвятил себя любимому делу.

Мы стали проводить больше времени вместе, после учебы в университете я сразу ехала в «Феникс», он всегда просил не занимать место в первом ряду для меня.

Вечером я так же, как и всегда сломя голову покидала университет, мой преподаватель остановил меня в коридоре и предупредил о том, что необходимо задержаться на коллоквиуме по психиатрии, но я бежала к нему, сегодня был особенный день. Сегодня ровно год как мы познакомились у той остановки. Я аккуратно положила в сумку коробочку с подарком для него — набор браслетов с нашими именами на руку. Мне пришлось урезать и без того скромные траты, чтобы заказать их в мастерской. Я надела в этот день все самое лучшее для него: юбку карандаш, тонкую голубую блузку из шелка и, конечно, лучшее белье ожидая хорошего продолжения вечера. С первых минут, как мы увиделись с ним в клубе, я поняла, что он забыл про наш день, но не подала виду и спокойно слушала его доклад.

Справа от меня сидел немолодой мужчина в хорошем костюме, и я буквально ощущала его взгляд на своих ногах.

— Хороший рассказчик, как вы считаете?

— Мы знакомы?

— Нет, но мы можем если позволите.

— Нет, спасибо.

— Жаль, вы сами выступаете?

— Нет, здесь выступает мой муж, он как раз на сцене.

— Оу, какое совпадение. Желаю вам удачи.

— Спасибо.

Остаток вечера он не разговаривал со мной, но ощущение чего-то неприятного преследовало меня весь вечер. Когда Георгий закончил доклад, он подошел и обнял меня:

— Любимая, тебе понравилось?

— Да, ты большой молодец.

— Все в порядке?

— да все хорошо, просто немного нездоровиться.

— Может, уедем?

— Нет, все в порядке.

Дома я включила чайник и спешно переоделась во все домашнее, спрятала заготовленную бутылку вина в шкаф. Когда я положила перед ним тарелку с ужином он по привычке потянул свою ладонь, чтобы погладить ее, машинально я одернула ее и отвернулась.

— Скажи мне, что не так?

— Все так.

— Я просто не понимаю.

— Пора бы научиться понимать.

Он отбросил тарелку от себя и встал со стула.

— Знаешь меня нисколько не беспокоят твое увлечение литературой, меня беспокоит кем являюсь для тебя я.

— Ты прекрасно знаешь кем ты являешься для меня, я люблю тебя.

— Ты все время проводишь в этом клубе, ты сидишь, что-то рассказываешь, ты звезда, а я лишь твоя тень и тебе все нравится.

— Как ты можешь так говорить, я боготворю тебя, и жизни не представляю без тебя!

— Там много других девушек, до вечера я учусь, ты же проводишь там весь день, думаешь я ничего не вижу, как эти шлюхи смотрят на тебя?!

— Любимая, я бы никогда не стал!

— Помолчи, вот уже как год, ровно год, ничего не меняется, ты живешь где-то там, в своем мире, а я лишь приложение к этому миру.

С чего я вообще решила это ему сказать, какая глупость, я и не думала так ему говорить. Боже, я сразу же пожалела об этом. Посмотрев на его глаза, я чуть не провалилась со стыда прямо на месте. Он был такой добрый в этот момент ко мне, ни секунды не колебавшись, он взял меня за руку и стал успокаивать, будто ребенка, закатившего истерику в супермаркете. Он все знал, он даже чувствовал мой настрой, когда мы возвращались домой и ничего не сказал.

Он встал на колени передо мной и обнял меня за ноги положив свои ладони на мою талию.

— Принцесса моя, я уйду из «Феникса», уйду, черт возьми, прямо сейчас. Где мой телефон?

— Георгий встал и пошел искать свой телефон.

— Что ты хочешь сделать?

— Я позвоню куратору и уйду из клуба.

— Нет, постой...

— Не останавливай меня, я сделаю это.

Я выхватила телефон у него из рук в последний момент и положила его на стол. Его руки быстро прижали меня к стене, и более я не могла пошевелиться. Когда он дотронулся языком до моих ушей я произнесла протяжный стон и мои ноги буквально стали ватными, он подхватил меня и бросил на кровать. С жадностью, будто пытаясь насытиться своей добычей он рыскал губами по моему телу оставляя на нем поцелуи и покусывания. С каждым вздохом он шептал мне на ушко те самые слова, которые он говорил мне в первую нашу ночь вместе. Эта ночь была жадной, изнуряюще жадной, его придыхание просто сводило меня с ума, я поддавалась его ласкам, прощая его за то, что он забыл про наш день.

Мы лежали прилипшие друг к другу телами, время приближалось к пяти утра. Мы поменяли постельное белье, а груду старого скинули прямо в кучу у нашей кровати. Окна были открыты, поэтому прохлада асфальтного утра нашла нас, когда мы уже без сил лежали в обнимку. Но прохлады совершенно не хватало, воздух в комнате казался горячим и никакие попытки остудить ее не увенчались успехом до прихода утра.

— Помнишь, ты рассказывала мне про своего отца? — спросил Георгий, когда я уже засыпала и по привычке нелепо бормотала, что-то себе под нос, пытаясь ответить. — А, все, спи моя хорошая.

Он накрыл меня одеялом

— Нет, я не сплю, — я облизнула высохшие губы, на секунду открыла глаза и снова провалилась в сонную дрему. — А, что, что ты говорил?

— Ты говорила, что он был геологом и рассказала историю о трех камнях — сказал Георгий и нежно обнял меня.

— А, да был, а что?

— Один человек сегодня рассказывал нам эту легенду, на самом деле я думал, что это знает только он.

— Какую легенду, коть?

— Представляешь, сам Тамерлан в свое время был обладателям одного из этих камней, говорят он просто попросил у камня своих побед и камень исполнил все это, мне интересно только одно. А что, если иметь больше одного? Ты спишь?

Я действительно уже спала, но сквозь сон чувствовала его слова как будто издали доносившиеся до моего слуха. Я тихо засыпала в теплых объятиях любимого мужчины, и нежность и тепло его было завораживающим. Я спала так, будто всю свою жизнь спала на холодных камнях, обдуваемых одинокими суровыми ветрами, а теперь спала на облаке. Мысли путались в сонном сознании.

— Да, да Тамерлан, что он там?

— Будь у меня такие камни — он посмотрел на меня с нежностью, одна моя рука была откинута от подушки, вторая прижата к груди — я бы остался вот так вечность с тобой.

После этого Георгий тоже быстро уснул, он практически сразу последовал за мной.

Мальчик непринужденно протянул мне газету с заголовком о последних новостях региона. В нем на первой странице была статья о пропавших людях нашего города. Я перевел взгляд на мальчика и на его лице мелькнула дьявольская улыбка, я выбросил газету и бросился бежать прочь. У меня перехватывало дыхание и через пару минут я остановился у здания и оперся на него рукой.

— Нет, нет, — говорил я. — Этого не может быть.

Что если страх может буквально вгрызться в тебя, страх потери которой даже посочувствовать никто не может. Все, о чем ты думал и лелеял кануло в пустоту. Теперь этот город стал пустым, он всегда таким был, теперь-то это стало отчетливо мне ясным. Этот проклятый город, который отнял ее у меня, мою мечту. Сколько не гляди ни вперед, ни назад, женщины, мужчины, дети, даже собаки, все здесь пусто и безжизненно. В этом убогом саду было лишь одно украшение, которое выдернули с корнем, будто жилу из сердца. Больше нет той лавочки в Манеже, на которой она меня ждала, нет той детской площадки, на которой она говорила обо мне, парта за которой она сидела в школе давно выброшена, а улицы, по которым она ходила давно запачкались грязью неубранных дорог. Весь день я провел, блуждая по городу, как пес, ищущий пристанища. Ни единого слова, ни намека о ней. Призраки Фюсун исчезли и теперь картинка передо мной сливалась в одну общую массу. Дойдя до ее дома, я сел на сломанную лавочку и смотрел в ее окно. Ночная прохлада закутала меня в кокон и превратила в бездомного скитальца. Шумные компании молодежи, полицейская сирена, музыка из громких сабвуферов уложила меня и от усталости я погрузился в сон. Мне ничего больше не снилось, здесь в священном для моей души месте, в ее ядре, я ощутил безмятежность. Пустое бессмыслие, которое всегда лежало на поверхности, но не замечаемое среди обыденной рутины стало очевидным. Художник, смотрящий на пустой холст без кисточки и масла, стоящий на коленях перед своей дальнейшей бессмысленной судьбой.

— Я вам верю, — первые лучи солнца и женский голос сквозь сон заставили меня приоткрыть глаза. — Пойдемте со мной.

Не понимаю как Екатерина Сергеевна смогла не пройти мимо меня. От того человека, который приходил к ней днем не осталось и следа, однако она меня приметила и позвала в свой дом.

На кухонном столе был накрыт прекрасный завтрак, с которого было просто не отвезти глаз. За завтраком мы поначалу вовсе не говорили о Насте. Мы общались скорее без слов, забота ее говорила намного лучше банальных слов о переживании за парня похожего на сумасшедшего.

— Поймите, я говорил правду, — снова причитал я, запивая вкуснейший пирог крепким кофе.

— Почему-то мне показалось, что мы с вами о чем-то недоговорили...

— Вы даже не представляете насколько мы не договорили. Представьте человека, который лежал в коме и потерял из-за этого половину жизни.

— Это я все-таки слышала, можете рассказать о ней?

Я дожевывал кусочек пирога и посмотрел на Екатерину с недоуменным взглядом.

— ну, мы учились вместе, все очень просто, я предложил ей быть вместе

— А она?

— Она, нет, она просто молча ушла.

— У нее были к вам чувства?

— Не знаю даже, думаю, что нет, я не помню этого. Она просто исчезла, и я уехал.

— У вас довольно странная история, после вашего рассказа вчера мне стало как-то не по себе, тоскливо очень, что-то изменилось?

— Мы ничего не можем с этим поделать. Видимо?

— У вас остались какие-либо вещи? Я имею в виду от нее?

Я проставил чашку на стол и принёс из прихожей свою сумку. Из нее я достал маленькую шкатулку с разными маленькими вещами: коробочкой от геля для губ, маленький платок, разноцветная школьная ручка.

— Боюсь, это все.

Екатерина Сергеевна аккуратно взяла каждую вещь со стола и рассмотрела ее, гель для губ вызвал в ней настоящую улыбку, учитывая, что она пользовалась таким же и показала мне свой.

— Вы знаете, — сказала она — то, что я сейчас скажу будет очень странным, но если бы у меня была сейчас дочь я была бы не против, и мне кажется, что действительно она живет не только в вашей голове.

— И где же мне ее искать?

— Расскажите, может вы знаете, что-то большее, какую-то подсказку

— Вы знаете про писательский союз «Феникс»?

— Нет извините, ни о чем таком я не знаю, а что это за союз?

— Нет, тут можно было понять сразу или ничего не понять. Простите мне нужно позвонить.

— Я положил трубку и вернулся к Екатерине Сергеевне на кухню.

— Кому вы звонили?

— Это был старый знакомый.

— Вы звонили узнать о ней.

— Это связанно с ней, все связано с ней, но я ничего не понимаю.

Абсурдность ситуации все же не мешала нам чувствовать, что нас что-то объединяет, мы знакомы впервые, но, когда мы были на ее кухне, я ненароком всматривался в ее движения и узнавал в них знакомые очертания. Екатерина заваривала чай, клала ложку на стол, садилась на стул, все это казалось мне знакомым, будто память возвращалась ко мне из ниоткуда и приводила в чувства с каждой минутой проведенной в этом доме.

— Я найду ее, найду, — скрестив руки перед собой и сжав в кулак снова и снова повторял, не отводя от нее глаз.

— Вы можете пока быть здесь, серьезно мне самой уже кажется, что эта история не сможет пройти без меня.

— Вы не поверите, но ваши движения, ваш голос, я помню его, точнее я помню его так будто мы знакомы очень давно, и как бы это объяснить, с вами я почти не общался по моим воспоминаниям, но помню так как будто мы знакомы много лет.

— В любом случае, пока мы ничего не сможем сделать.

Мы стали искать в ее доме, но ничего не нашли, в телефоне, в компьютере тщетно. Она говорила правду и не обманывала меня, у Екатерины Сергеевны не было никакой дочери по имени Настя, да и вообще никакой все это было чистым безумием. Я попросил переночевать одну ночь, мне было крайне необходимо побыть именно здесь, в закрытой небольшой комнате, средь вещей к которым Настя могла иметь отношение, среди окон в которые она могла смотреть

вечерами после уроков, стол на который она выкладывала свои вещи, когда приходила домой. Ту комнату, в которую меня заселила Екатерина была комната Насти, я специально выложил ее вещи, которые привез с собой и положил на стол в надежде, что это усилит воспоминания о ней этой ночью. Воздух в комнате был холодным, не помогало даже теплое одеяло, шторы колыхались под дуновением приоткрытой форточки, закрывая глаза я надеялся, что это лишь сон и завтра все закончится, я проснусь с пониманием того, что происходит.

Перед сном я пытался набрать Наташу, но абонент был не в сети, социальные сети были отключены, меня сковала тревога теперь еще и за нашу семью.

Маленькая хрупкая девушка сидела вечером, сжимая в руке телефон, абонент снова был не в сети. Наталья не могла громко зарыдать, так как дети уже спали и поэтому все, что ей оставалось — это тихо всхлипывать, вспоминая его последние слова перед уходом. Себе успокаивающие, кофе с утра, отвар ромашки и снова кофе, Маше кашу с добавлением черники, Артему оладьи и бекон. Черт бы побрал эту Надю. Он не любит меня, он поставил ее выше меня. И снова слезы в полумраке комнаты, свисающие ноги на холодном полу, пустующая половина кровати. Я не смогу жить, если он уйдет, не смогу. А вдруг он не вернется?

Дверь тихонечко приоткрылась и сквозь темноту женщина разглядела небольшой детский силуэт.

— Мам, я тоже не могу уснуть.

— Иди сюда мой сладкий, побудь со мной.

Артём и Наташа обнялись и сели на край кровати, они взялись за руки и обоим стало намного легче.

— Он вернется мам

— Да, конечно, я так просто, немного всплакнула, хочешь со мной лечь?

— Нет, Маша плохо спит, я там за ней пригляжу.

— Молодец, настоящий мужчина.

Сквозь слезы у Наташи появилась небольшая улыбка.

— Скажи мне, если он…

— Нет, он придет, придет.

Наташа попыталась уснуть, но тщетно, всю ночь она то ложилась, то вставала к окну пытаясь высмотреть того, кого там быть не может.

Наутро она собрала детей, безрезультатно проверила телефон и собралась поехать в центр по делам.

Я уже садился в машину и набрав в навигаторе дорогу до дома смотрел в окошко и провожал Екатерину Сергеевну, дозвонится до Наташи было невозможно и мне пришлось поехать обратно. Последнюю ночь мне ничего не снилось, я аккуратно забрал памятные для меня Настины вещи и ушел. Екатерина оставила мне свой номер, и обещала позвонить, если что-то выяснит, но мы оба понимали, что этого не случится. Город отдалялся от меня, я выехал на трассу и покидал свою мечту ни с чем, притворится что все хорошо — глупо, осознать правду — больно. Под утро я приехал ужасно измотанный, проверяя почему-то на месте ли вещи, которые привез с собой, все было на месте. Мне было стыдно, мне нужно что-то объяснить Наташе, разговор должен быть не из легких. Посидев в машине минут пятнадцать, я поднялся наверх. В квартире никого не было, исчезло все, они исчезли.

Это был последний день, когда я ее видел, интересно, она хотя бы предполагала это хоть на секунду, мне было жутко. Каждый ее шаг по асфальту неповторим, каждое слово последнее. По спине холодная дрожь, набираю воздух в легкие, а он не насыщает, а только сжимает меня сильнее, во рту становится сухо, как в пустыне. Жалобный взгляд на людей вокруг, один, второй, кто-нибудь помогите мне, она сейчас уйдет от меня и все закончится. Боль прокручива-

ется в душе как в мясорубке, мне очень плохо. Мы не держимся за руки, это конец. Я умер в тот день, исчез, осталось только оболочка вместе с органами. Перед тем как сесть в машину мы еще разговариваем, господи, она не проронила ни слезинки, а ведь если из-за тебя она проронит слезу значит надежда еще жива, но увы нет.

Представьте себе Льва умирающего от стрелы на памятнике, где отказали Ницше, представьте что чувствовал Данте, когда Беатриче сказала ему нет, я повзрослел в тот день. Атеистов не бывает среди тех, кто пал как я, хочется кричать, машина уезжает, и она даже не оборачивается.

Глубокий вздох: мне дарят компьютерный руль на Новый год, отец отвез меня впервые на море, первый поцелуй с девочкой, я впервые потрогал женское тело, если взять все эти прекрасные воспоминания и вколоть мне прям в вену они не заглушат того, что я сейчас испытал. Этот день, боже одновременно прекрасный и трагичный, сухой, будто листок, пролежавший меж страниц старой книги на полке. Когда отвергают твою любовь, это похоже на то, как Нео отключили впервые от матрицы, из красивой сладкой картинки ты попадаешь в тяжёлый мир, лишенный иллюзий. Следующую неделю я буквально жил на ее странице, став червем, пролезающим сквозь ее фотографии заметки и посты. Пытаясь найти скрытый смысл, возможно оставленный ею для меня, пытаясь решить все как ребус, но каждый раз натыкаясь на тупик. Мне это никогда не снилось, и слава богу. Мозг просто не может такое воспроизвести вновь. Каждый человек проходящий мимо меня на улице будто знал решение или ответ, и вот я подбегаю к нему или ней беру его за воротник и кричу — скажи о ней хоть что-нибудь, я уже все нашел, что мог ну или она дала найти о себе. У меня никогда не будет с ней праздников, никогда я не посмотрю нашим детям в глаза и увижу в них нее, мне не поступит ласковое: «любимый я беременна». Весь этот сценарий жизни исчез, его вырвали из меня и сожгли, ничего теперь не осталось, только моя тоска. Мое тело закаменело, меня должны были откопать через тысячу лет в каком-то камне, в этой фигуре я обращаю свой взор к небу тщедушно моля вернуть мне ее. Я бреду по улице без нее и смотрю на небеса, а ведь Господь испытывает каждую секунду то, что я сейчас — безответную любовь, он мира, а я ее. Нет ни форм, ни весов способных здесь, что-либо просчитать так кусок мяса, плывущий в реке людей. Будильник не зазвенит, я не проснусь, и не закончится это покуда мы живы. Мне не дадут скрижаль с неба, мне не завещают ключи от Рая, неужели все это уготовано для меня. Ангелы молите за меня у бога, вы написавшие мне такую судьбу, вопросите вернуть все обратно.

Ни голоса, ни шепота в пустой квартире, гудение холодильника и скрипучий пол в зале. Оболочка меня сидящая на стуле в верхней одежде, я похож на вора, пробравшегося сюда за наживой. Клочок бумаги, который не написали в прихожке, записка на холодильнике, которую мне не оставили. Она исчезла, Наташа, моя Наташа исчезла и наши дети тоже. Отойдя от шока, я принялся искать вещи, но ничего не нашел. Никаких детских вещей, никаких женских, только мои аккуратно сложенные в углу шкафа. В ванной нет ее шампуня, Машиных и Артеминых игрушек тоже нет. Когда я как медведь, роющий землю, разрывал ящики в поисках, хоть чего-то из глаз просто лились слезы, они даже не закрывались просто капали на пол. Мобильный телефон был также недоступен и не выдержав он полетел в стену. В записной книжке я отыскал номер сотрудника детского психологического центра, в которой работала Надя. Сломя голову я побежал к нему. Того доктора, которого я видел, когда подвозил ее до работы теперь нет, меня встретил молодой врач в клинике. Увидев меня, он предложил мне воды и усадил за стул. Я походил на сумасшедшего, и доктор держал руку на пульсе, чтобы вызвать подмогу санитаров.

— Я знаю, извините меня, но кроме вас мне не к кому обратиться.

— Я вас выслушаю не переживайте.

На входе стояло двое крепких мужчин, если доктор нажмет кнопку тревоги и меня придется скрутить.

— Двое детей, они, они — я выпил воды — около года назад они были в вашем центре и теперь их нет.

— Их нет где?

— Нигде!

— Давайте успокоимся, еще раз какие дети.

Я назвал доктору данные моих детей, и он начал набирать в компьютере их фамилии. Он смотрел в монитор и то и дело переводил взгляд то на меня, то на монитор. По его движениям я понял, что он перепроверяет данные и у него что-то не укладывается в голове.

— Послушайте, такие дети действительно есть, но они назначены в другие приемные семьи.

— Они мои!

— Успокойтесь, выпейте воды, вот возьмите таблетку.

— Откуда вы знаете их? Просто и по порядку мы все сейчас разберем.

— Они мои дети, я усыновил и удочерил их 24 ноября прошлого года, вы должны проверить.

— Кто был доктор, который работал с вами?

— Я, я не помню, но не вы.

— Это вы верно подметили.

— Не считайте меня идиотом!

— Я врач, детский врач, работаю в основном с детьми, но в моей практике попадаются, и буйные подростки и за этой дверью стоят мои санитары, поэтому будьте благоразумны. Я никого не считаю идиотом.

— Да доктор, просто поверьте мне.

— Извините, вы взъерошенный буквально окружили меня в коридоре, вы видно не в себе, мне сложно вам поверить.

— Хорошо, хорошо, скажите адрес, где они сейчас живут.

— Вы серьезно? Чтобы я дал адрес вам, человеку, который может представлять для них опасность, да и в целом для окружающих.

— Вот смотрите, у меня в телефоне их фотографии и Наташи и моих детей.

В телефоне наши с ними фотографии открыться не смогли, изображение их было, но посмотреть на него было невозможно.

— Я действительно ошибся, извините доктор, я, пожалуй, пойду.

— Вы уверены? Может мне лучше оказать вам помощь?

— Нет, не стоит, я просто спокойно уйду.

Я аккуратно встал и пошел к выходу, стараясь не дотрагиваться ни до каких вещей. Меня шатало в разные стороны, будто от значительно выпитой дозы алкоголя, обойдя санитаров, покачиваясь из стороны в сторону, я побрел к выходу.

Фото в телефоне действительно было невозможно открыть, удивление было бы сильнее, если бы не случай в городе …, который украл у меня прошлое. Пропавшие фото в телефоне украли у меня и настоящее. Если я сумасшедший это объясняло все, невозможно же просто вырвать у человека жизнь как листы из тетради, пусть эта неведомая сила, которая поочередно удаляет из меня жизнь. И пусть у меня ничего не выйдет, но я просто должен отыскать зацепки, судьба должна оставить мне подсказки. Единственным возможным выходом найти детей был последний адрес, из которого я забирал Артема.

Вечером я приехал на место заброшенного дома и наткнулся на компанию беспризорников возле него. Четверо подростков сидели возле дома.

ГЛАВА 5. ПРОСТО ПОМНИ О БОГЕ

У грязной ржавой лестницы полуразрушенной котельной частенько собиралась беспризорная детвора. Счастье тех, кто остался на обочине мира собирать окурки, а если повезет выпить немного алкоголя с газировкой. Такой коктейль помогал, хоть ненадолго впасть в красоту, а ведь каждому человеку она необходима и получать ее нужно любыми способами. Мозг бомжей и беспризорников всегда находил самые легкие и дешевые способы из всех возможных. Те четверо были в неадекват: глаза сухие и потупленные, двое из них медленно подносили к губам сигареты и вдыхали их едкий дым, а двое других плевали на землю, опустив вшивые головы. Одетые в грязную растянутую одежду они были похожи на помойных крыс, а безлюдная окрестность вокруг создавала впечатление, что все люди погибли здесь от эпидемии чумы.

— Знаете, где Артём?

Они не отвечали и только один посмотрел на меня и сразу опустил голову вниз, словно испугался солнечного света и харкнул на землю.

— Какой еще Артём? Хэх.

Я описал его и сразу получил утвердительный взгляд на свой вопрос.

— Ну, эт не Артём, эт Булава, был такой пацан.

— Что значит был?

— Ну, был да сплыл, че ты ваще хочешь?

— Найти его.

— А филки есть?

— Есть.

Я протянул парню две крупные купюры и вложил их ему в ладонь.

— Ну че, нормально, сейчас я скажу ему, подожиии.

Он встал и пошатываясь побрел в середину пустыря.

— Булава, — со всей силы закричал он, — спасибо что и здесь подогрел нас братишка, не знаю че это за хрен, но сегодня мы отдохнем за твое здоровье.

Он еще с минуту орал, что-то невнятное, а потом подошел ко мне.

— Ну папаша, не отвечает мне Темик, а ты кто ему?

— Отец.

— Ахах, ну не заливай, у него его сроду не было, он с нами двигался всю жизнь.

— Он жил со мной, и теперь пропал, он что мёртв?

Паренек снова плюнул на землю.

— Да, завалили его, нет Булавы.

— Ты правда не ошибся? Это точно он?

— Как пить дать он. Пришел однажды и зовёт с собой пойти, а мы не сразу поняли че за тема. Говорит нужно сделать дело, серьезное дело. Витьку Баху завалить нужно, с его корешами.

Эх, что же я тебе сделал. Маленький человек в этой жизни, а меня уже предали. Эх, как же хочется избавиться от этой боли, неужели я виноват по праву рождения. Даже слов не знаю многих, а уже так больно. Боженька, хоть на миг избавь меня от боли, как же там мама? Вот бы меня не разлучали с ней. Ручки у нее трясутся с момента моего рождения, когда нас бросил папа. Эх пожалей ее, ну уж лучше бы я не рождался раз так. Мамочка, ну хоть разок, если бы заслужить прощения у тебя. Артёма уводил крепкий мужчина в машину, стоящую напротив больницы. Двое работников детского дома курили неподалёку и обсуждали судьбу маленького человека.

— Да, пацана теперь в приемник повезем, мать у него совсем не в адеквате, то орет, то может лежать сутками, а пацан побирается.

— Жалко смотреть на него, я потом отойти не могу долго, жена спрашивает, а я молчу даже палку кинуть не могу, ладно погнали.

Маленький человек смотрел в окно серебристого уазика и прощался со своим домом, все, что взял с собой мамину расческу да заколку для волос, обернув ее в бумагу и запрятав в далекий карман куртки. Работники детского дома заполняли анкету, пока ехали до его нового дома. Детский дом был страшен уже на входе, заклеенные бумагой стекла, обшарпанная вертушка на входе и бетонные полы. Администратор, тучная женщина разгадывающая сканворды сразу поставила мужиков на место.

— Ну, куда по помытому?

Мужчины остановились.

— Теть Свет, паренька привезли на постоянку.

— Ну жди, сейчас.

Артема завели внутрь и усадили в коридор ждать, потом медпункт, где мальчика раздели и провели полный осмотр. Врач делала это так будто он кукла, неживой предмет. С его хрупким худеньким телом обращались как с соломой, но он молчал и даже не подавал виду. Ему выдали чистую поношенную форму и определили койку. Другие ребята сразу не подходили к нему и лишь несколько пришли спросить сигарету. В спальном расположении стоял мат и ор, клубы сигаретного дыма из туалета можно было разглядеть на свету везде, из окон поддувало холодом. Артём расстелил матрас, заправил постель и лег спать. Ночью он потихоньку достал вещи из бумаги и положил их рядом с собой, в его глазах застыли слезы, и он бесшумно вдыхал аромат маминой расчески. Он гладил и сжимал в руках со всей своей мальчишеской силой ее резинку для волос, мечтая вернуться к маме. В помещении было жутко холодно и Артём закручивал свои ноги в простыню особым образом, будто в кокон. Холод не так пугал его, со свои немногие лета он стоял и босым на снегу, и ночевал в сарае, когда мама прятала его совсем малыша от пьяных компаний. Весь этот ужас не мог не закалить его, разрешая ему пустить слезы только в моменты исключительные, когда сердце совсем не выдерживали напряжения как ночью, когда он прижимает расческу и резинку для волос к себе. Однажды ночью всю группу разбудили и просто начали избивать, когда удар кулаком попал ему в лицо он почувствовал, как из носа полилась теплая жидкость, будто вода из крана мелкой струей он услышал хруст и упал на пол. Очнувшись, он пошел до умывальника, где умыл лицо холодной водой. Били всех постоянно: душками от кровати, ремнями, просто кулаками. Первые два месяца избивали всех одинаково, лишь самые толстые и низкие парни подвергались более сильным страданиям. Артём всегда уходил молча и без слов наблюдал за происходящим. Со временем от некоторых отстали, били избирательно, особое удовольствие доставляло бить тех, кто плачет особенно громко или же как девчонка. Крик от них, казалось, могли слышать и за пределами детского дома, вперемешку с криками разносились мольбы о помощи и призывы остановиться. Постоянными были всегда лужи крови, брызги на большом длинном зеркале в умывальнике, и разбросанные ведра и швабры. На утро дежурный по порядку из младших групп должен был все убирать к приходу воспитателя. От постоянного мытья, полов от крови, на ведре всегда был кровяной ободок, на который особо никто и не обращал внимания из взрослых. На этих детей было всем плевать. Кормили их три раза в день, в основном кашей, которая прилипала к кастрюлям, и интересным развлечением было выбить все содержимое кастрюли ударом кулака по дну. Склизкая, липкая гадкая масса выпадала целиком, оставляя кастрюлю идеально чистой. В еду молодых харкали, плевали и заставляли съесть содержимое.

В этом аду не было совершенно никакого света, все вокруг лишь злость и жестокость маленьких людей, которых позабыли и выкинули на обочину жизни. К Артему быстро закрепилось прозвище Булава, которое подчеркивало неплохой статус среди толпы, по началу его били, затем перестали, а уж через пол ода просто обходили стороной. Он стал холодной тенью среди ребят, ореол загадочности внушал страх, Артём смотрел сквозь пальцы на все ужасы,

будто дозволяя им происходить, но в обиду себя не давал. Никогда не глумился над другими, держал нейтралитет. По выходным из этого места можно было уходить, но куда идти? Пара обшарпанных зданий, да продуктовый магазин напротив. Ребята часто сбивались в маленькие группы по три-четыре человека и воровали, таких воспитанников выдавал потупленный взгляд, багряная кожа и запачканные руки. Стандартным для ребят было насобирать мелочь у прохожих, купить батон хлеба, майонез, сладкую газировку... Такой пионерский набор ребятам хватал для хорошего вечера прямо во дворе соседнего дома. Был у них и пустырь, там дрались, Артём изредка приходил на него посмотреть. Ребята вставали вкруг и дубасили друг друга кулаками, у одного даже выбили глаз. Артём видел, как полупьяные подростки пытались вставить испачканный в земле грязь в глазницу, одноглазый парень орал на земле и задыхался от боли, кто-то смеялся взахлеб, прибавляя к страданиям мальчика скабрезные шутки.

В тихие спокойные вечера Артём молча стоял у окна, не думая и не разговаривая, будто пытался рассмотреть что-то. На холодных улицах он шатался бездумно, будто слепая собака, которая не смогла взять след. В километрах пяти от приюта текла небольшая речушка похожая больше на крупный слив отходов, перемешанные коренья с пластиковыми бутылками, обваливавшийся песчаный берег и мерзкий запах застоявшейся гнили, он приходил сюда, бывало, к вечеру и просто сидел, всматриваясь в далекие очертания горизонта, далеко за пределами этого места. В этой тихой симфонии безнадежности и боли, пожалуй, единственным светлым лучом была молодая женщина — фельдшер приюта, невысокого роста с красивой фигурой — песочные часы и каштановыми волосами. Мария Дмитриевна работала в приюте около года, и полюбилась многим воспитанникам за свое доброе сердце. Не получая огромных денег на своей работе, которых, едва хватало на питание, она умудрялась подкармливать ребят конфетами, по праздникам купить торт и разделить его между всеми на тонкие кусочки, чтобы хватило всем, но не это самое главное. Воспитанники могли доверить ей свои слезы, скупые приютские слезы — это даже не вода, расплавленный свинец из глаз и у каждого свой. От кого-то отказалась мать, кто-то ее даже не помнит, каждая слезинка боль, которую Виктория могла выслушать. Первый раз Артем попал к ней, когда разбил кулак об обидчика из соседнего отряда. На костяшках пальцев остались кровяные ссадины, и дежурный отправил Булаву к ней.

— Проходите — ласковым голосом, заполняя бумажки сказала Мария.

Артём прошел и молча сел напротив нее, правая рука у него не сгибалась, и он держал ее перед собой.

— Вижу, сейчас пройдёт на кушетку и вытяни руку перед собой.

Виктория аккуратно осмотрела ладонь своими тонкими пальцами и мельком посмотрела воспитаннику в глаза. Артём смотрел в пустоту.

— Думаю, перелома нет, ты дрался?

— Нет, упал.

— Извини, но мне придется указать это в рапорте, такие порядки.

— Мне все равно, можете указывать.

— Почему ты такой злой?

— Вы перевяжите или как?

— Да, сейчас.

Мария сделала все медицинские процедуры, встав прям напротив мальчика, перебинтовывая ему руку.

— Готово.

— Мне идти?

— Да, а ты? Ну ладно иди.

Ночью Артёму приснилась Мария. Отныне мысли о ней не покидали его, он морщился, когда вспоминал, как грубо поговорил с ней при первой встрече и в голове то и дело отматывал время назад, чтобы сказать ей ласковые слова. Соседом с ним по шконке был его приятель

Андрей по прозвищу Рубец. Такое прозвище он получил из-за своей фамилии Рубцов, ну и, пожалуй, своим пристрастиям к дракам на пустыре.

— Слышь, Рубец — непривычно начал разговор Артём.

— Че?

— А ты это? Ну с девкой того?

— Ну было, а че? Есть с кем?

— Да, не просто.

— Да, колись, Булава, я тя знаю, хрен че выпытаешь, значит есть.

— Завали по тихой.

— Ну, и хрен с тобой

Закрывая глаза Артем в голове старался разложить все по полочкам, он не особо представлял себе это лишь заостряя свое сознание на самых острых обрывках памяти. Ее выглаженный халат, телесные колготки, ее духи, тонкая ручка по его коже, много ли нужно подростку, чтобы поплыть. Каждую ночь он добавлял новую деталь в свою голову и фантазировал. Ночная отдушина подростковой радости. За свою короткую жизнь Артём испытывал злость, равнодушие, множество обид, но стеснение было для него в новинку.

Однажды его поставили старшим в группу по ремонту помещения в санитарной части, у него было немного времени, чтобы понаблюдать за ней, но в глаза смотреть он боялся. Будто она разузнает о его ночных фантазиях и расскажет всем. Исподлобья, она, поправляя прядь своих каштановых волос, также изредка смотрела на него, он же стоял рядом и прикуривая сигарету на выходе смотрел на нее.

— Здесь не курят — проходя мимо бросила ему в след.

Он ухмыльнулся и выбросил окурок на землю.

— Вы старший здесь?

— Да.

— Тогда еще скажите своим ребятам, чтобы перенесли мне вон тот шкаф.

Одного взгляда Булавы было достаточно, чтобы его подчиненные поняли его.

Сам того не осознавая Артём начал постигать новый спектр своих чувств: сладкое трепетное влечение к женщине. Она была коктейлем из материнской любви и женщины, в которую можно было влюбиться. Когда работа завершилась, Мария достала из холодильника в комнате отдыха медсестер бумажный сверток с пирогом.

— Спасибо, вам за работу, вот покушаете с чаем.

— Спасибо, Мария Дмитриевна.

Булава взял пирог и отдал его ребятам. Нет ничего более притягательного чем взгляд двух людей, думающих друг о друге, во взгляд можно вложить гораздо больше, чем прикосновение, чем поцелуй. Все эти вещи неприкрытые пошлые, а взглядом можно сыграть на самых тонких нотках сердца. Артём докуривал третью сигарету, смотря на тлеющий уголек, мозг хотел еще дыму, а легкие уже выплевывали его. Он остался дежурным по блоку. Мария, налив себе чаю и уютно устроившись в кабинете за полночь, заполняла свои эпикризы, порой она так уставала, что могла уснуть прямо за столом, не доходя до своего диванчика. Появление Артема было неожиданным, и когда он вошел она даже немного вздрогнула.

— О Господи, напугал, дежурный сегодня?

— Да, по блоку.

— Садись, будешь чай?

— Спасибо.

Он стоял в стороне до тех самых пор, пока она не подвинула ему стул.

— А тебя называют булава?

— Да.

— Почему? — Мария пыталась поговорить с ним никак фельдшер, а как девушка с интересом, спрашивая мужчину о его жизни. — Так ребята сказали, точнее один из главных парней.

Он молчал и смущался короткими небольшими глотками, отпивая свой чай.

— Будешь что-нибудь к чаю? Я сейчас принесу.

— Не нужно Мария Дмитриевна и так спасибо за все вам.

Она положила ладонь на его худое лицо, и они уже без страха посмотрели друг другу в глаза.

— Жалко мне вас ребята.

Он резко одернул ее руку и встал.

— Не нужна мне ваша жалость, пошел я.

— Ну, извини, я не то хотела сказать.

— Сказали, что сказали, спасибо за чай.

Она приблизилась к нему и прикоснулась руками к его плечам.

— Какой бы мужчина не был сильным, все же никому из нас не повредит немного побыть ребенком.

— Я, что, ребенок для вас?

— Нет, конечно, Артём, я и не думала, прости меня.

Она легонько прижалась к его телу и положила голову ему на плечо.

— О Господи, ну дура я, ах, что ж делаю.

Его руки тоже впервые прикоснулись к женщине очень робко, его потряхивало, ком в горле мешал ему говорить. Он пытался выдавить из себя, хоть немного слов, но не выходило.

— Ты хороший парень, я вижу это, но ты … ты все же воспитанник, порой мне кажется, что я тебя знаю.

— Да и у меня такое.

— Давай все же сядем Артём.

Они продолжили распивать чай и проговорили пару часов. Артём вернулся в блок и лег спать. Другие ребята стали догадываться об их дружбе с Марией, но поговаривали о ней лишь за спиной украдкой, наблюдая как менялись, они при виде друг друга. Теперь они стали разговаривать меньше в присутствии других, скорее даже игнорировать друг друга, но оставаясь вместе с большой теплотой наслаждаться общением друг с другом. Артём приносил ей цветы под вечер, купив их на последние деньги либо просто крал или выпрашивал у бабушки — торговки на базаре. Мария всегда говорила, что очень ценит эти подарки судьбы, вообще умение женщины принимать подарки — особое свойство. Безграничная радость на подарок, как и холодное принятие, поставит мужчину в неловкое положение в равной степени. Булава стал улыбаться, редко, стараясь этого не показывать, как будто ему запретили это делать, а она тихими вечерами в медкабинете могла приобнять его за плечи и нежно поглаживать по руке. Тем дождливым вечером, он, как и обычно шел к Марии, раздобыв у ребят из посылки шоколадных конфет. Войдя к ней в кабинет, он заметил ее растерянность. Она наспех прятала небольшой клочок свернутой бумаги в карман халата.

— Что там?

— Да, так, ерунда — Мария Дмитриевна вела себя растерянно.

Артем резко поставил свернутый кулек с конфетами ей на стол.

— Может я могу узнать?

— Артём, извини, сегодня у меня много работы, ты прости меня.

— Что случилось?

— Все хорошо, просто сегодня не могу общаться, уйди пожалуйста.

Булава ударил со всей силы по настенному ящику с медикаментами и тот вмиг рухнул на пол. Мария вздрогнула и посмотрела на осколки стекла и вжалась в стол. Артем подошел к двери и резко хлопнул.

— Стоооой, — Мария выбежала и вцепилась в его спину, пытаясь потянуть его обратно.

— Артём, миленький, пожалуйста, я все объясню тебе.

— У тебя мужик появился?

— Нет, что ты, Артем просто... Посмотри мне в глаза, прямо сейчас, посмотри в них.

Он взглянул на нее холодным надменным взглядом, неспособным унять свой гнев.

— Я знаю, что-то происходит с нами, то, чего не должно быть, я каждый день думаю о тебе как о мужчине, мне даже сложно теперь думать о работе.

— Это же не плохо, если я все понял.

— Ты все понял, но, — она металась и никак не могла высказать ему свою мысль. — Поцелуй меня, Артем, слышишь, нееееет.

Он ушел, по пути, разбивая любой предмет, попадающийся ему по пути. Холодная ночь без ее тепла осталась позади, новый день без ее глаз. Маленькая ошибка, стоившая судьбы, расколовшая душу вдоль и поперек. Края белой ткани, свисавшие с носилок в коридоре второго этажа, закрытые глаза на умиротворенном лице женщины, которая уснула вечным сном, двое крепких мужчин, пытавшихся сдержать ярость мальчика, лишившегося единственного светлого маячка в жизни. Той ночью ее изнасиловали, компания пьяных взрослых воспитанников, возвращавшихся с уличной попойки. Они ворвались в ее кабинет и закрыли рот, попутно распивая единственную бутылку водки на всю компанию. Грязные звериные руки потянулись к подолу ее халата, хрупкое женское тело распластали прямо на столе, скинув небольшой кулек шоколадных конфет.

Бедная Мария мучилась около двух часов, все решила пара ловких рук, обернувших ее шею поясом для медицинского халата. Один из парней туго удавил горло медсестры, ее глаза побагровели и наконец она перестала источать жизнь, упав замертво на пол своего кабинета.

Пьяные подонки не сразу поняли, что произошло, они были так пьяны, что просто не могли заметать следы, а просто ушли спать к себе в жилые блоки.

Все же желание мести сильнее воли, слаще любви и тяжелее принципов на чаше весов. В желании мести, в предвкушении причинения страдания своему обидчику больше надежды чем в доброте. Артём упал в обморок, когда увидел ее мертвое тело, принять ее смерть он не мог, это было слишком, просто слишком сильно. Ему не пришлось долго искать ее убийц, ему быстро подсказали, что это мог быть только Витька Баха и его компания, давно точившая зуб против него. В эти моменты он и не думал о разговоре с ними, месть была здесь даже не выходом, а здравым смыслом, месть беспощадная и такая же кровавая, как расправа над медсестрой поздно вечером в больничном блоке.

В подсобке кабинета химии в учебном блоке он выпросил под угрозой ключ от хранилища с химическими реагентами. Взял себе небольшую банку с соляной кислотой, маленький хозяйственный нож похожий на тот, с чем идут по грибы пенсионеры в летний день, бутылка водки для нервов, вот, пожалуй, все, что он смог собрать с собой для ответной крови. Половину бутылки он осушил залпом, положив в один карман нож, а в другой банку с кислотой.

Группа подростков во главе с Витей Бахой сидели около костра на заброшенной фабрике недалеко от приюта. Они облюбовали эти места еще давно и это место по праву было их территорией. Ржавые заброшенные станки, разбитые стекла в окнах, какой-то грязный диван стали пристанищем ублюдков, которые надругались той ночью над Марией. Вся банда была пьяной еще с утра, несколько человек сидели на корточках и смотрели в землю, один залез на ржавый металлический цилиндр и разговаривал сам с собой. Витя Баха сидел на диване в компании бутылки воды и пива. Когда Артём подошел к ним никто ничего не понял, благо он застал их врасплох. Медленным движением руки он достал банку кислоты и точным движением направил содержимое Бахе в лицо. Мальчишеский крик сильным эхом разлетелся по ржавым конструкциям, словно снаряд, лицо мальчика начало расплавляться и пузырится. Черная кровяная масса начала стекать на его руки, которыми он схватился за свое лицо, мучаясь в агонии. Кожа

на лице вместе с глазами разлеталась жижей по дивану и рукам Виктора. В ладони Артёма щелкнул затвор складного ножа, он методично стал подходить к каждому и наносить удары по шее и груди, крик Бахи смещался с криком от ужаса других пацанов и вскоре дело было сделано.

Он остался стоять на этом месте, вытерев лезвие ножа об штанину и аккуратно, положив его в карман. На дне бутылки еще оставалось несколько глотков и Артём, запрокинув бутылку, влил в себя все содержимое за один глоток. Ему нравилось наблюдать за их криками, а когда они все умерли, он начал избивать их палками, прося, чтобы они мучались еще, но без результата. Когда он пытался посмотреть на лицо Бахи, все содержимое желудка оказалось на земле от острейшего приступа рвоты. Проблевавшись он вытер рот от следов зеленой каши, посмотрел в небо последний раз. Теплые припекающие лучи стали укутывать его, будто в одеяло, полусгнившие металлические трубы были его последней постелью в жизни. Небо было невероятно светлым в этот день, и глаза Артема, устремленные к нему, пытались еще и еще воспроизвести моменты последней теплых воспоминаний о ней.

Наталья медленно, стуча каблуками, проходила по кафельной плитке первого этажа торгового центра. Яркие вывески дорогих брендов, шумная молодежь, красиво одетые мужчины и парочки в обнимку смешивались в общий поток и будто обволакивали ее хрупкое тело в этом агрессивном мире. Осторожно, будто боясь обидеть своим присутствием, своей немодно одетой внешностью Наталья направлялась к выходу. Не больше трех кругов говорила она себе, так ведь люди бы не смогли подумать, что ей совершенно ничего здесь не купить. Сладкие ароматы парфюмерных магазинов, слабая надежда на то, что цена откажется более приемлемой и купить все же что-то получится, но снова неудача. Она провожала холодным взглядом каждую счастливую парочку, которая, смеясь выходила с покупками из магазина. Еще и еще больше смотреть на них, ведь нужно скопить все это, чтобы ночью одной в маленькой комнатке проливать слезы. Вечерний ритуал проливания пустых слез стал уже обыденностью и приходя домой, приготовив на скорую руку еду на общей кухне, она просто мечтала скорее заплакать, накрыв голову руками до изнеможения. Разговаривая с собой украдкой, боясь выпустить гораздо более страшных демонов ненависти в окружающий мир, она делала это робко: одна и в полной тишине. В торговом центре она ничего не купила за исключением только красивого ежедневника, который нашла в маленьком магазинчике канцелярии на выходе. Ах, как не хотелось уходить отсюда без всего, маленькая розовая тетрадка стала отдушиной на долгие дни. Все, что могла себе позволить девушка это небольшая покупка за триста пятьдесят рублей в месяц. Вокруг много вкусных кофеен, где, принарядившись можно провести вечер с красивым мужчиной, сладкий поцелуй с парнем под конец вечера как добавление к тирамису, вкуснейший морковный тортик дополнение к его объятиям, красивое белье в бутике для его голодных глаз, которые не отрываются от ее тела. Одна мечта слаще другой, и сколько интересных событий можно вписать в свою жизнь, пока идут молодые годы, но они проходят, отнимая ее мечту. Не та она, которая мечтает о дорогих украшениях и мехах на День рождения, она бы возрадовалась за тех, у которых это есть, будь у нее хоть в подарок шоколадка от мужчины, но не было и ее. Возвращаясь под вечер домой, она с тоской смотрела в ванной на свое молодое тело в обшарпанное зеркало общей ванны. Клубы горячего пара скрывали за собой упругое женское тело и только тонкие пальцы, протерев стекло, могли вновь обнажить его. Она звонила маме и далеко не ласковый голос вновь и вновь читал ей нотации о жизни, ее слова как металлические трубы в голове, холодные и звонкие укладывались штабелями, не давая и капли радости. Наташа звонила маме и это, пожалуй, была повинность дочери, нежели тёплый женский разговор матери и дочери. Не нажимая зеленной кнопки, она могла вглядываться в заветное слово на экране телефона и представлять, как голос в трубке назовет ее — доченька. Как радостный и беззаботный отец спросит у нее заботливо «Что же нужно моей принцессе?»

Нет, ничего этого не было, лишь повинность и нотации, горький пригорелый хлеб старых обид и недомолвок, в придачу к старым обидам. Она все же сделала это однажды, выбралась из родительского дома, этот день Наташа не забудет никогда, отец даже не пришел проводить ее, а мать лишь могла вдогонку выдать:

— Ничего не забыла?

— Нет мам, я все взяла.

Стук металлической двери и две небольшие спортивные сумки, она еще раз посмотрела обратно и покинула родной дом. Еле слышные позывы тоски от прощания с домом нисколько не главенствовали над радостью освобождения от домашних мук, безрадостных вечеров, отсутствия звонкого смеха и полнейшей тишины, заполняемый только звуками отцовского телевизора. Еще тогда она начала смотреть на других, сердце выпытывало из немой вопрос: «А почему у меня не так как у них?». Теплые поцелуи, объятия и вздыхания от прикосновений к любимым родителям. Когда мы свернули не туда? Разве молодому сердцу так много нужно? Не более чем теплых маминых рук в канун Рождества, папиного поцелуя в лоб, когда сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Холод улиц от дома до школы, аккуратно заправленная постель, ну, и, конечно, дневник, в котором она могла описывать свои мечты, представляя, как папа свозил их вместе в кино, как мама радуется новому платью, а дочка с нежной завистью смотрит на нее, мечтая о таком же муже, как ее отец. Годы не развивают, не придают надежду, а лишь утрамбовывают, будто пресс, весь этот сумрак, складывающийся в душе тяжелым камнем. Она никогда не ловила звезд с неба, оттого выбрала себе работу под стать — работала уборщицей в частных квартирах. Работа была ее пыткой и, в то же время, отдушиной.

Приходя в новую квартиру, она всегда переодевалась в передник, доставала свою тяжелую сумку с чистящими средствами и бережно приступала к работе. Особенно тяжело ей было глядеть на фотографии, счастливые моменты жизни других людей вызывали в ней и боль и радость. Беря рамку в руку, особенно если в доме никого не было, она сначала подолгу смотрела на изображение, нередко, представляя в женском образе себя, в роли матери, держащей ребенка на линейке в школе, в роли счастливой невесты в белом платье в объятиях любимого мужа. Таких ролей было множество, люди всегда оставляют на память фото не догадываясь, кто на них может посмотреть. Бывало и так, что хозяева не уходили во время уборки, тогда Наталья превращалась в мышку, не смея даже тревожить идиллию этих людей, она аккуратно раскладывала игрушки, протирала стол, мыла полы и туалетные комнаты не отвлекая людей, стараясь быть тенью этих мирков, в которых ей отведена лишь роль домработницы. Мужчины часто бросали свои похотливые взгляды на нее во время уборки, полагая, что она этого не чувствует. Напротив, Наталья могла и принять особую позу и заправить локон волос именно в тот момент, когда мужской взгляд особенно въедался в ее тело. Она не делала этого специально, никогда не пыталась совратить кого-либо, просто хоть иногда хотела почувствовать себя желанной пусть не для семьи, хотя бы для забавы. Растаять в мужских руках, сбросить свой передник и стать наконец кому-то нужной, хрупкой.

Пару раз в неделю она мастурбировала, делая это очень нервно и быстро, будто ее сейчас же отругает отец. Удовольствия ей это доставляло крайне мало, насладиться своим телом ей мешал стыд, взращенный ею с детства родителями. Долгожданного расслабления не наступало, а только приступ вины за то, что она сделала гадкое, грязное, недостойное для женского пола. Те стремления, которые зарождались в молодой душе не проросли, сама жизнь не дала этому свершиться. Работа уборщицей освобождала ее от мыслей о заслуженности благополучия, она оттягивала это благополучие от себя, тем самым давая возможность себя пожалеть. Работа одновременно и расслабляла ее и наказывала, она принимала заказы на сайте, ей указывали адрес и рассчитывали оплату за ее услуги. Убираться в квартире, где жили муж и жена, ей нравилось особенно, в таких местах чувствовалась жизнь, проходя по комнатам, осматривая их, она наблюдала как интересно могут сочетаться в ванне мужские и женские шампуни и баль-

замы, как интересно смотрелись в шкафах строгие лишенные изыска мужские вещи и кокетливые девчачьи наряды женского гардероба. Нередко у таких пар бывали и дети, детские игрушки вызывали в Наталье умиление, тихое и спокойное, дети были для нее воплощением любви, пусть даже и чужой, если она вообще бывает чужая. Воплощенное в игрушках, бутылочках, смесях, маленькие ручки и крики по ночам, Дни рождения с причудливыми тортиками, объятия бабушки — бесконечная мечта, обрываемая мгновениями грусти в чужих квартирах. Она ничего не делала вопреки, лишь шаблон, нарисованный ей кем-то злым, не дающим ей счастья, будто вот-вот должно произойти счастье, но его нет. Холодная дорога домой на автобусе, руки, сжимающие телефон в руках и невзрачный шарфик на ее шее. Образ мужчины, сформированный у Натальи в голове еще с юности никак не подходил под тех, кто находился рядом. Украдкой она бросала взгляд в автобусе или маршрутке на парней, проживая целую жизнь у себя в голове с незнакомцем, и вновь история заканчивалась на остановке для нее. Одинокие мужчины или женатые, многие из тех, у кого ей приходилось убираться в квартире бросали на нее вожделенный взгляд и вступали в разговор лишь с грязными предложениями. Конечно, образ властного отца покалечил в ней правильное восприятие мужчины и вызывал отвращение. Когда очередной мужчина пытался приставать к ней за работой, в голове, как искра, зажигалось отвращение, а в памяти всплывал отец. Она вздрагивала и отдергивала нахала от себя и сторонилась к стенке. Такой животный страх перед сильным и злым существом мог напугать, руки бедной девушки тряслись с тряпкой в руках. Первое впечатление тоже может быть обманчиво, как-то ее вызывал для клининга профессор истории — седая борода, очки в золотой оправе, стильно подобранный кардиган. Мужчина никак не походил на приставучего нахала, тем более ему было на вид около семидесяти лет. Наталья вошла в большую светлую квартиру и попросила помещение для того, чтобы переодеться. Старинные вещи, куча книжных полок с богатым содержимым, ей было приятно работать здесь.

Наталья начала с книжных полок и одно неловкое движение заставило одну книгу упасть на паркет.

— Занятная книга, девушка.

— Ой, простите, я сейчас приберу.

— Знаете, о чем эта книга?

— Нет, расскажите.

— Это книга о Пигмалионе, — мужчина произнёс это и как бы невзначай положил руку ей на плечо.

— А кто такой Пигмалион?

— О, это творец, ожививший свое творение в мраморе с помощью любви, точнее богини любви.

Женская рука, держащая переплет старинной книги, стала сжиматься костлявыми пальцами волосатой руки.

— Извините, уберите руку.

— Пигмалион создал статую из мрамора, оживил ее и стал жить с ней, — мужчина продолжал приближаться к телу юной девушки насколько это возможно, пока она полностью не оказалась в его объятиях.

— Перестаньте, — одним толчком в бок отбросила мужчину в сторону, и книга упала на пол вновь.

— Ну что ты? Я хорошо заплачу тебе, давай устроим вечер вдвоем.

Девушка молча оббежала мужчину и рванула к выходу, забыв прихватить с собой свои вещи. Старый развратник не стал ее догонять, а лишь только поднял книгу и положил ее на место. Она бежала до своего дома, позабыв о транспорте, ей было тошно и гадко от его рук. Она бежала и, оглядываясь на людей, пыталась зацепиться взглядом хоть за что-нибудь, что

могло заставить остановиться. Наталья, будто ласточка пролетала мимо всего, мир был пуст, оттого нелеп и жесток, что хотелось поскорее покончить с ним.

Сама не понимая, она уже медленным шагом, в растрепанном виде добрела до небольшого парка в глубине города, рядом с ним напротив большого здания виднелось небольшое белое. Не сразу поняв, что это церковь, она все же решила полюбопытствовать. На входе стояло двое бродяг с протянутой рукой, один из них сидел с картонной табличкой с просьбой денег, второй стоял, уперевшись в металлическую калитку и просто протянул руку вперед. Она зашла за калитку и увидела прихожан, пожилая женщина крестилась, смотря на золотой крест на вершине купола, молодая пара спокойно с радостью выходила из церкви и девушка, поправляя платок улыбалась своему мужчине. Запах ладана успокоил ее, внутри было тепло и приятно, тусклое освещение церкви создавало впечатление защищенности.

— Спаси. Господи, здравствуйте, — приветствовала ее худенькая старушка в черном платке за маленькой деревянной ширмой у входа.

— Здравствуйте, — Наталья не сразу поняла, откуда доносился звук, бабушку из-за ее низкого роста почти не было видно.

— Чем Вам помочь?

— Да, я не знаю совсем, я впервые здесь.

— Ох, спаси Господь, присядьте вон там на лавочку Батюшка скоро подойдет.

Наталья впервые за долгое время не чувствовала страха, люди вокруг сплошь бабушки, стоящие у икон, мужчины с бородами не внушали ужаса. Люди здесь не были смелы, они не были жестокими к ней, по крайней мере в этих стенах. Казалось, что здесь другой мир, люди здесь, будто умерли для насилия над ней, не смотрят вожделенно, как на куклу и не хотят обмануть.

Тучная фигура священника появилась внезапно, облаченный в рясу мужчина поправлял деревянный крестик на своей цепи.

— Благослови Господь, чем могу услужить вам?

Девушка вскочила со стула и посмотрела на священника.

— Я честно, даже не знаю, как пришла к Вам.

— Ну, это уже произошло, давайте приступим к знакомству.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что раз вы пришли в дом Господа, значит все хорошо, но останавливаться на достигнутом не стоит.

— Вы знаете, у меня все не так.

— Вы можете исповедоваться.

— Я не знаю, что это, если честно.

— Я понимаю, все в руках Божьих, пройдемте с собой.

— Святой отец.

— Извините, зовите меня просто батюшка.

— Хорошо, батюшка, а может быть так, что мне эта жизнь кажется чужой, будто я не здесь должна быть?

— Ну, дитя мое, это лишь, как бы сказать правильно наше ощущение причем неправильное, просто ты беспокоишься.

— Я всю жизнь мучаюсь. Мне плохо оттого, что, засыпая я представляю себе другую жизнь.

— Дочь моя, я понимаю, но ты должна понять, Бог никогда не оставит тебя, если ты только сама не воспротивишься его воле, не пойдешь наперекор и не уверуешь истинно.

Девушка развернулась к большой иконе всем телом, посмотрела в глаза Младенцу, изображенному на иконе, а затем в глаза Богородице. Лик святых посмотрел в глаза и Наталье, она вздохнула и сказала.

— Боже, я знаю должно быть, я ошибаюсь, но к чему я чувствую такое. Моя жизнь, я чувствую, где-то рядом, еле слышно отголосками разговаривает со мной, но через стенку, мне не кому больше идти, прошу помоги.

Голос девушки был прямолинейным и звонким, она не сводила глаз с иконы, и даже сам священник, слышавший тысячи исповедей, не смог сдержать удивления.

— Послушай, так нельзя, хоть и больно тебе, но все же.

— А я сказала честно, я просто прошу этого, не могу я больше батюшка, мне нужно было сказать, я могу тут всем иконам это рассказать.

— Успокойся, заблудшая душа.

— А он услышал меня? — подбородок девушки дрожал мелкой зыбью, она не отрывала взгляда от священника.

— Непременно услышал.

— Тогда, пусть так, спасибо.

ГЛАВА 6. ИСТОРИЯ ПИГМАЛИОНА

В моем доме уже отключили свет, я перестал бывать там, очень больно было даже прикасаться к вещам, которые еще вчера были нашими, что-то значили. Иногда я проходил мимо своего же окна и вглядывался в него, а вдруг свет все же загорится, Наташа будет ждать меня на кухне, приготовив вкусный ужин, дети обнимут меня при входе и все вокруг начнет иметь смысл. На лавке возле дома я любил выпивать бутылочку вина, завернутую в пакет, заедая снеками, алкоголь, хоть немного, но расслаблял меня, холодные улицы и серые однообразные лица прохожих, будто куклы на шарнирах постоянно двигались в такт программе, по которой их запустили.

Я подходил к дому Надиного отца, но не рискнул позвонить в дверь, я проходил мимо домов всех немногих людей, которых я знал, но останавливаясь разворачивался и уходил прочь. Ни одного слова я бы выдавить из себя не смог, только леденящая тишина внутри. В супермаркетах было тепло, я останавливался там, когда стоять на холоде было невыносимо, и продавцы стали узнавать меня, но выгоняли редко все же на бомжа я не походил, да и покупал алкоголь исправно, к позднему вечеру супермаркеты закрывались и мне приходилось уходить на улицу до глубокой ночи, пока напавшая усталость не срубит меня с ног прямо около теплого подъезда. Никогда еще я не был таким неопрятным, черная неухоженная борода топорщилась из-под воротника грязной куртки, пальцы рук покраснели от бесконечных ветров, на глазах появились черные круги.

В моих снах исчезла Настя, будто испарилась и даже мечты теперь о ней стали невозможными, человек должен иметь право хотя бы мечтать, иначе совсем ничего не останется. Если я не засыпал, то бродил по ночному городу, безлюдные парки, мосты, дороги. Перекусывать стал в забегаловках и пивных прямо на улице на грязных лавках или попросту, держа еду в руках. Иногда меня стали просить поделиться едой бездомные и я совершенно не гнушался этим. Избитые, голодные, грязные, словно помойные крысы, они были мне ближе теперь чем кто-либо, в сытых и довольных была искра жизни и эти люди были далеки от меня по духу. Бомжи не любили говорить, израненные водкой и равнодушием они стали мне понятны и близки, словно хорошие друзья. На остановках, вокзалах они медленно поедали еду из рук, на них всегда много одежды даже летом, холод так сильно мучал их, что страх быть не в тепле заставлял их делать это.

В обездоленные глазах без счастья и надежды можно смотреть, будто в океан и каждый раз находить там себя. На людных проспектах я появлялся редко, теперь приличные люди сторонились меня не замечая, пытаясь не признавать, что я есть. Из старой жизни у меня остались лишь мысли, память. Когда, проходя по оживленному скверу мимо девушек, я натыкался на

знакомый аромат я мог идти за ней буквально по пятам, пугая не подозревающего человека. В лицах счастливых и довольных не было и намека на ее лицо. Всматриваясь в каждое, не пропуская ни единый силуэт, будто пес, зараженный бешенством, я слонялся среди людей убитый своим горем. Где они? Ночное небо совершенно беззвездное из-за городских фонарей, я лежу на бетонной отмостке и смотрю в непонятную даль космоса. В многоквартирных домах горят огоньки, в них делают уроки, смотрят сериалы, едят, занимаются сексом, пишут книги. А мой мир — это мир одиночества, мы, по сути, были людьми одиночества и не знали другого. Один, второй, третий ведомые своими мечтами, призрачными надеждами. Я подошел к этому тонкому полотну, и оно разорвалось в моих руках. Чашка чая в пластиковом стаканчике быстро остывала, как и поверхность моего тела. Эти бородатые немытые бродяги рядом со мной под мостом слушали меня, но не отвечали, будто апостолы, записывающие речь Христа о тайнах мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.